

ПРИХОДСКАЯ №59 Газета

ИЮЛЬ 2008

ХРАМА СВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

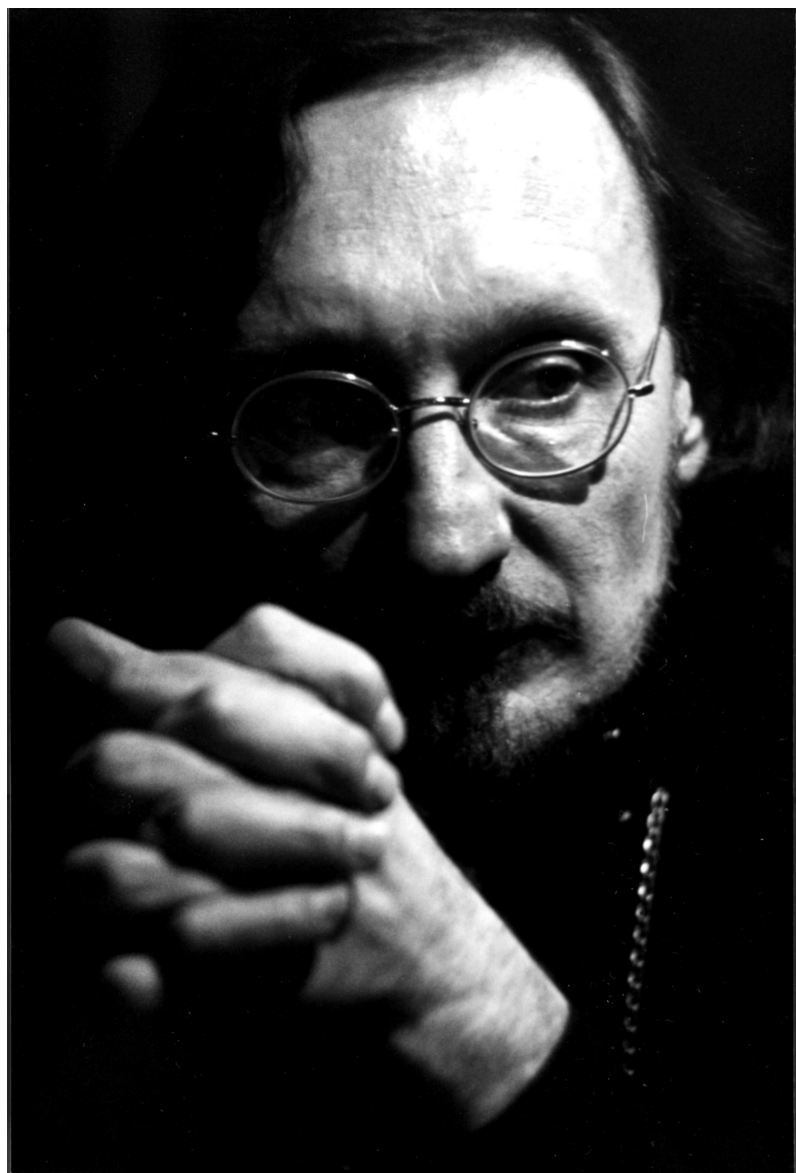
ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

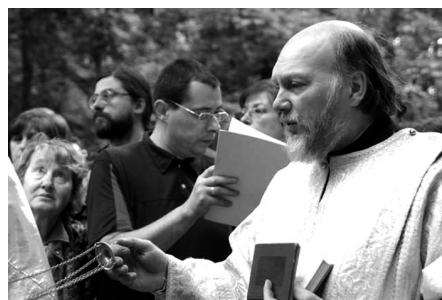
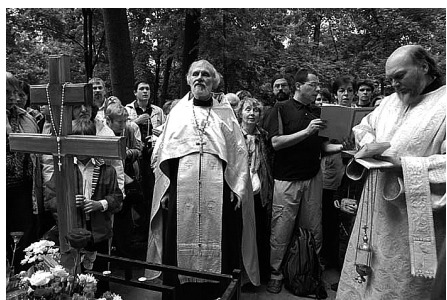
(4.08.1953 — 22.06.2007)

Молитвенное поминавание известного православного священника Георгия Чистякова в первую годовщину со дня его кончины совершили его духовные чада, друзья и сослужители в Москве.

Священники и прихожане московского храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине, где служил о. Георгий почти 15 лет, поминали его за воскресной литургией, после чего настоятель храма, протоиерей Александр Борисов в сослужении с протоиереем Александром Кузиным и даконом Сергием Булычевым отслужили панихиду.

Обратившись к многочисленным прихожанам, о. Александр Борисов сказал об о. Георгии: «Его служение и жизнь подобны яркому свету кометы, которая пронеслась быстро и ушла в вечность, но свет этот остался для всех, кто хотя бы немного знал о. Георгия. В его личности удивительным образом сочетались ученый, пастырь и замечательно отзывчивый человек, который откликался на каждую нужду, старался помочь... Его служение, которое он совершал из последних сил, было примером того, как человек максимально использует те ресурсы, которые даны ему Богом. А ему были даны необычайные дарования: прекрасная память, прекрасные способности, открытое горячее сердце, но что касается физического здоровья, то тут все было на пределе, и этот предел он использовал ровно на сто процентов...

Есть какая-то символика в сегодняшнем дне: о. Георгий ушел 22 июня, в самый длинный день в году, когда света больше всего на земле, как бы символизируя, что он нес Божий свет. И сегодня — день Всех святых, очень значимый для нас, мистически наполненный день. Это тоже в какой-то мере направляет наши мысли о месте о. Георгия в глазах Божиих. В глазах человеческих оценки могут быть иными, но Божья оценка для нас самая важная...

Помолимся о нем, используя эту замечательную привилегию: продолжать любить наших ближних, когда они отсутствуют в видимом для нас мире, чтобы эта связь продолжалась, чтобы его слова жили в наших сердцах, воплощались в наших делах, мыслях и поведении».

Настоятель поделился с прихожанами радостью: накануне годовщины духовными чадами о. Георгия была издана книга его проповедей, произнесенных в 2000—2001 г., под названием «Да укрепит вас Господь!» «Это знаменательное время — перелом тысячелетий. И о. Георгий говорил: каким будет это тысячелетие, во многом зависит от нас с вами. В этих проповедях — замечательный пример интенции ответственности за наше время», — отметил о. Александр.

Во второй половине дня на могиле о. Георгия на Пятницком кладбище прот. Александр Борисов и диакон Сергей Булычев отслужили панихиду, за которой молились многие прихожане и друзья покойного пастыря.

22 июня 2008 г.
БЛАГОВЕСТ-ИНФО

Вечер памяти православного священника Георгия Чистякова состоялся 23 июня во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ), спустя год после кончины. Как и год назад, большой конференц-зал ВГБИЛ не смог вместить тех, кто знал о. Георгия как замечательного пастыря, обратившего ко Христу сотни людей, как серьезного ученого-филолога и историка, богослова, пламенного проповедника Евангелия, настоятеля больничного храма Покрова Пресвятой Богородицы в РДКБ, вдохновенного христианского просветителя, общественного деятеля, друга.

В начале вечера протоиерей Александр Борисов, настоятель храма свв. Космы и Дамиана в Шубине, вместе с которым о. Георгий служил с 1993 г., совершил литию. Вечер открыла директор ВГБИЛ Екатерина Гениева. Она напомнила, что в течение многих лет о. Георгий заведовал в библиотеке Отделом религиозной литературы — единственным подобным подразделением в светской государственной библиотеке, созданным по инициативе протоиерея Александра Меня. Е. Гениева представила фундаментальное издание, выпущенное ВГБИЛ и посвященное памяти о. Георгия — это «Библиотека Н.М.Зернова» — каталог книг из уникального собрания известного русского православного мыслителя в Оксфорде, переданного во ВГБИЛ. К годовщине со дня кончины о. Георгия стараниями его друзей и духовных чад была переиздана книга его статей «Размышления с Евангелием в руках», с предисловием о. Александра Борисова. Название книги, данное о. Георгием, передает неотъемлемую его черту: он никогда не расставался с Евангелием, перечитывая его на многих языках. Е. Гениева упомянула о том, что в серии «Путь к Богу» будут вскоре переизданы книги о. Георгия «На путях к Богу Живому» и «В поисках Вечного града».

О. Александр Борисов в своем кратком выступлении сказал: «Я переживаю утрату помощника, друга, коллеги, который давал уникальное звучание, свою особенную краску жизни нашего прихода». По словам настоятеля, о. Георгий всегда призывал своих духовных чад идти в Церковь,

навших в 1992 г., что о. Георгий собирается принять священный сан: никто не сомневался, что наука теряет молодого ученого, который «зарывает свой талант в землю». Оказалось совсем наоборот: «Вместе с саном он получил новые силы». Джованни зачитал выдержки из своей

жизнь с Богом, человеком молитвы», отметил Дж. Гуайта.

О том, что особенно дорого им в личности о. Георгия, рассказали библиист и переводчик Михаил Селезнев, историк и публицист Владимир Илюшенко, историк Анатолий Красиков. Профессор

ВЕЧЕР ПАМЯТИ О.ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

ко Христу, но никогда — к нему лично, он остался в памяти всех как «уникальный для каждого». Своими воспоминаниями об о. Георгии поделился сослуживший с ним в первые годы в храме Космы и Дамиана, близко знавший его о. Владимир Лапшин. Все запомнили о. Георгия радостным, горящим евангельским Словом, а о. Владимир рассказал о другой стороне его жизни — о страдании, которое он испытывал от разногласий и конфликтов и которое он разделял со всеми страдающими. Доброе слово об о. Георгии прислал на вечер из г. Брешиа (Италия) священник Владимир Зелинский.

Профессор РГГУ Николай Шабуров — однокурсник о. Георгия по историческому факультету МГУ. Он рассказывал о его ранней тяге к изучению классических языков и египетских иероглифов, о становлении о. Георгия как ученого — историка античности и филолога. Н. Шабуров считает необходимым собрать и издать научное наследие о. Георгия, и в первую очередь — книгу трудов по античности. Еще один коллега о. Георгия — по преподаванию в Институте иностранных языков — профессор Джованни Гуайта. Он вспомнил впечатление сотрудников, уз-

большой статьи об о. Георгии, где он утверждает, что этот священник, казавшийся столь необычным, ярким, на самом деле глубоко традиционен: он продолжил пастырскую традицию таких русских священников, как св. прав. Иоанн Кронштадтский, св. прав. Алексей Мечев, о. Павел Флоренский, о. Александр Мень. Оппоненты о. Георгия часто упрекали его в каком-то особом экуменизме. Но, по словам Дж. Гуайты, о. Георгий «не считал себя экуменистом, он просто жил уже в единой Церкви». «Глубоко зная православие и католичество, все их различия, он не усматривал причин для разделения. А его привязанность к Западной Церкви вовсе не означала слепого восторга», — сказал итальянский ученый, добавив, что надо подробнее изучить еще одно уникальное явление в жизни о. Георгия — его дружбу с Папой Иоанном Павлом II (о некоторых проявлениях этой дружбы рассказала в конце вечера Е. Гениева). Как вспоминал выступавший, о. Георгий цитировал высказывание Бернано: «Священник — это человек, отданный на съедение». Такова была «программа жизни» самого о. Георгия, который был человеком, «влюбленным в Христа, в

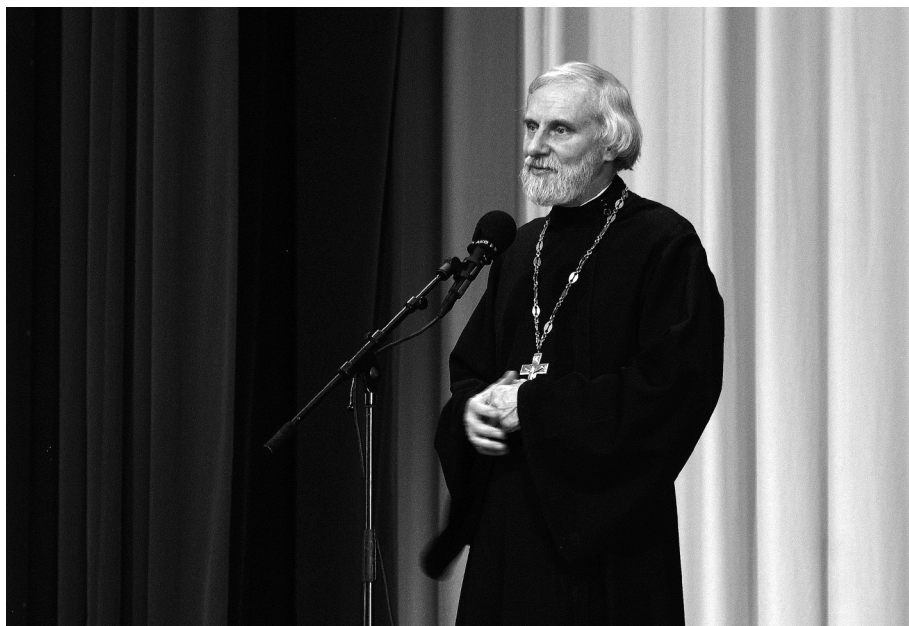
Московской Консерватории Евгения Чигарева приоткрыла еще одну, мало известную сторону личности о. Георгия, которая ей представляется «огромной темой» — о. Георгий и музыка. Она рассказала о лекциях и докладах, прочитанных священником в консерватории, в кругу музыкантов-профессионалов. Например, один из циклов лекций был посвящен теме «Литургическая традиция Римско-Католической Церкви как основа для музыкального воплощения». Выступления перемежались «музыкальными приношениями»: классические инструментальные и вокальные произведения исполняли духовные чада о. Георгия, в том числе хор храма свв. Космы и Дамиана.

Финалом вечера стало выступление руководителя Благотворительного фонда помощи детям РДКБ (Российской детской клинической больницы) Лины

Салтыковой. Она рассказала о том, как начинал работу в больнице о. Александр Мень, как его духовные чада-волонтеры «осиротели» после его гибели, и о. Георгий, тогда еще в сане диакона, согласился возглавить группу милосердия. Подробности того, как сложно принимали волонтеров в больнице, как о. Георгий служил впервые литургии во врачебном кабинете, как переоборудовали под храм Покрова Пресвятой Богородицы помещение заброшенного кинозала, как общался он с больными детьми и их родителями, растрогали всех участников вечера. Лина Салтыкова вспомнила, что и дети, и врачи называли о. Георгия «волшебный батюшка»: он оказывал огромную духовную поддержку больным и медикам, а кроме того — используя свои контакты за границей, опираясь на помощь прихожан, доставал редкие лекарственные препараты и оборудование. В заключение был показан небольшой документальный фильм о служении о. Георгия в РДКБ. Подробности о деятельности группы милосердия и фонда, возглавляемого Л.Салтыковой, можно найти на сайте фонда www.deti.org.

25 июня 2008 г.,
БЛАГОВЕСТ-ИНФО

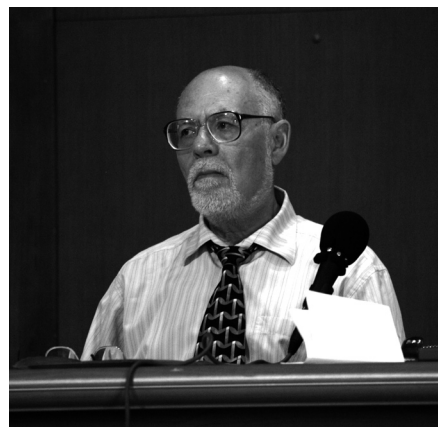
СЛОВО ПРОТ. АЛЕКСАНДРА БОРИСОВА НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ

Дорогие друзья! Все здесь собравшиеся и те, кто не смогли по разным причинам прийти, переживают эту утрату и в чем-то одинаково и каждый по-своему. Я переживаю утрату помощника, утрату друга, утрату коллеги, который так много делал для прихода, который давал совершенно уникальное звучание жизни нашего прихода, вкладывал в нее свою краску. И особенно последние годы я видел и чувствовал, как отец Георгий из последних сил приходит и регулярно выслушивает множество людей, принимая каждого с особой прощающей улыбкой и любовью...

И как радостно встречать людей, приходящих месяц спустя или почти год и говорящих: мне так

отец Георгий помогал, так он меня поддерживал, никто так больше не сможет помочь. Но люди понимают, что идти надо в церковь, идти надо ко Христу. И это оставил в их сердцах отец Георгий. И всем нам хотелось бы пожелать, чтобы кроме горя и грусти была в наших сердцах благодарность за то, что мы его знали, за то, что он был, что осталось так много его материалов, которые мы еще будем многие годы читать и перечитывать, впитывать это в себя.

Владыка Антоний говорил, что каждый уходящий человек дал нам какую-то частичку света, кто-то больше, кто-то меньше. И тот объем света, который каждому из нас дал отец Георгий, он уникален. Спасибо всем вам, Спаси Господи.

Священник Владимир ЛАПШИН

Я ПОМНЮ ЕГО СТРАДАЮЩИМ

Дорогие мои, я должен перед вами повиниться. Я не то чтобы не готовился к этому вечеру, но я не подготовился. Несмотря на все праздники, события, которые происходили, я мысленно обращался к этому дню, к сегодняшнему вечеру и думал: ну что я могу сказать такое об отце Георгии, чего бы люди не знали, что-то совсем новое. И понял, что ничего такого я сказать не могу. То, что вы знаете, что вы видели, то, что вы помните, — помню и я то же самое.

Помню, как его терзали любимые им и, наверное, любящие его духовные чада, претендуя на абсолютное безраздельное обладание им. А он не умел отказывать, всегда был открыт. Я помню, как он страдал от разномыслия, разногласий, размолвок, которые были между нами, священниками, несмотря на то, что мы были друзьями. Я помню, как он страдал от проблем, которые возникали в «Русской мысли», потом — когда он был вынужден уйти с Христианского радио. Я помню, как он страдал от собственных болезней, как я ночью просыпался и видел его работающим, сидящим за компьютером — не потому, что у него катастрофически не хватало времени, и не потому, что он был необыкновенно работоспособен; он просто не мог заснуть, у него болело все тело, он не мог спать и, чтобы не тратить время впустую, сидел и работал. Я помню его у постели умирающей девочки в детской больнице (кажется, ее звали Оксана). Она много месяцев ждала почку; наконец, почка нашлась и пришла, ей сделали операцию, но операция оказалась неудачной, она умирала и страдала. И он рядом с ней страдал и умирал. После этого столько еще было умираний...

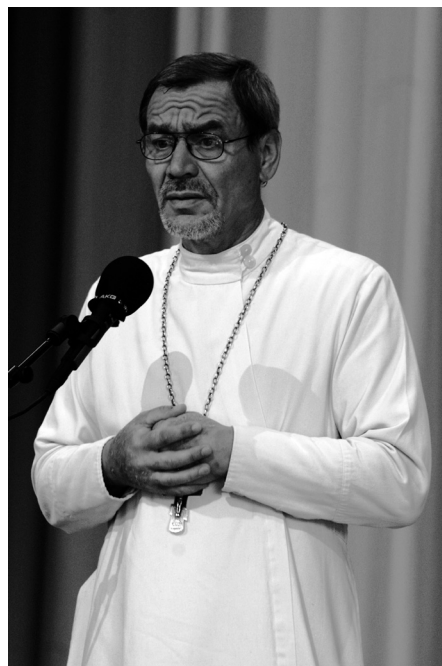
Наверное, в его жизни, как и в жизни каждого человека, были минуты радости и даже веселья. Он умел радоваться, и даже на этой фотографии, на одной из последних, когда он вообще уже был смертельно больным, он улыбается. Но я помню его смертельно страдающим. Я его помню страдающим и сострадающим Христу, или, как

говорил апостол Павел, восполняющим меру страданий Христовых.

И в связи с этим мне хочется рассказать один случай, который вы не знаете, хотя в нем нет ничего такого особенного. Вскоре после рукоположения отца Георгия, когда он был еще начинающий священник, я бежал в храм Космы и Дамиана, шел с Пушкинской, дворами — там есть к храму проход. Были какие-то непростые жизненные обстоятельства, и вот, на меня что-то снизошло, и я почувствовал себя страшным грешником и понял, что индивидуально мне нет прощения, нет спасения, и Господь милостив, Он хочет, чтобы я жаждал, чтобы я желал, чтобы *все* спаслись. Чтобы я желал этого, чтобы я молился, чтобы я служил так, чтобы все спаслись. Тогда Господь, когда будет всех спасать, Он и меня спасет. И это было такое откровение, это была такая милость Божия, что когда, подбегая к храму Космы и Дамиана, я встретил отца Георгия, я тут же с ним поделился этим. Тогда еще не было опубликовано книжек Антония Блума, воспоминаний архимандрита Софрония Сахарова о старце Силуане, размышлений самого старца. Вычитать этого я еще ничего не мог, для меня это было откровение. Я ему об этом стал рассказывать, а он улыбнулся и так просто сказал: да, я это знаю. И мне это было настолько удивительно, и даже обидно как-то стало: он — такой молодой, и по возрасту моложе меня, и священник еще совсем молодой, а он это знает. То, что для меня откровением было, он это знает. Я даже как-то засомневался, правильно ли он понял меня и правильно ли я его понял. А потом, живя рядом с ним (в храме мы в одной комнате спали), служа рядом с ним, я понял, что вся его жизнь, всё его служение были воплощением этого знания. Он действительно всё это знал и осуществлял в своей жизни...

Это всё, что я хотел вам сказать об отце Георгии.

*Выступление на вечере памяти
о. Георгия Чистякова,
ВГБИЛ, 23.06.2008*

Екатерина Юрьевна ГЕНИЕВА

ИОАНН ПАВЕЛ II ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ЕГО

и, надеюсь, что-то не очень резкое сказала своим сотрудницам, вроде того, что это письмо адресовано каким-нибудь женам-мироносицам, а явно не мне. И я совершенно забыла про это письмо и про эту возможную аудиенцию, но не тут-то было. Спустя некоторое время раздался звонок из итальянского посольства, которое сказало, что оформит мне визу за 30 секунд, за 15 минут, или за одну секунду — потому что это была не ошибка; в этом была, наверное, отчасти повинна, в хорошем смысле, Ирина Алексеевна Иловойская-Альберти, Царство ей Небесное. И оказалась я в Ватикане, в личных покоях папы, он уже был весь согбенный. Беседа у меня с ним происходила своеобразно: я говорила по-английски, кардинал Вальтер Каспер переводил с английского на итальянский, потом папа отвечал по-итальянски и мне переводили на английский. Ели мы национальную польскую пищу, которую я хорошо знала по своим поездкам в Польшу.

Я почти пообещала отцу Александру, что наш сегодняшний вечер будет молитвой и не закончится на очень грустной ноте. Я очень постараюсь, отец Александр, хотя после фильма, который мы увидели (о служении отца Георгия в РДКБ — ред.), ни на какой другой ноте, кроме той, которая в нем звучит, закончить невозможно. И наверное, нет в сердце слов, кроме тех, что не стоит село без праведника; а все другие слова лишние.

Но обещание есть обещание, его надо выполнять. Петя, сын отца Георгия, год назад призвал нас всех порыться в своих воспоминаниях, в бумажках. Я расскажу об удивительных отношениях отца Георгия и Иоанна Павла. У меня был небольшой опыт общения со Святым Отцом, но я нескромно и, по возможности, повеселее о нем расскажу.

У меня было два письма, которые я от него получила, и две совершенно неожиданные для меня встречи. Первое письмо я получила в 90-х годах, не могу вспомнить дату точно. Но когда я получила письмо о том, что Святой Отец приглашает меня на личную аудиенцию, я отложила это письмо в сторону и сказала, что почта в России и без того работает плохо, а, видимо, сейчас она работает еще и зловредно. Потому что я представила себе, что у главы Римской Католической Церкви нет никаких других дел, как только пригласить меня на ужин, и это показалось мне абсурдом. Поэтому я это письмо просто отшвырнула

И вот окончился этот ужин, мы с ним что-то такое говорили — про Россию, про то, про другое, про третье... Есть такая английская поговорка: *curiosity killed a cat*, «кошку любопытство погубило». Я не могла удержаться и спросила: «Святой Отец, зачем Вы меня пригласили?..» И поскольку я сама чувствовала, что вопрос не вполне корректный, все-таки я говорю с главой Римской Католической Церкви, то я постаралась как-то упаковать свой вопрос: «Ну, может быть, Вы меня пригласили, потому что знаете, как я отношусь к отцу Александру Меню?» А было хорошо известно, как он относится к отцу Александру — он его почитал и молился ему как святым. Он говорит: «Да, да, конечно, я знаю, Вы духовная дочь отца Александра». На что я ему сказала: «Вы знаете, духовных детей отца Александра много. Ну все-таки, какая причина?»

Вы знаете, на самом деле там было две причины. Ему, наверное, действительно было интересно узнать, что это за такая диковинная библиотека в России, где есть

отдел религиозной литературы и с которой был связан отец Александр Мень... Он опять прошептал что-то на ухо кардиналу, и через секунду перед моим изумленным взором появилась книга, которую мы издали в библиотеке, это были очень сложные библиографические описания перемещенных немецких книг. У нас их пруд пруди, и мы начали тогда над ними работу. И когда я увидела наш библиографический том, я, иного слова и не подберешь, просто обалдела. И не нашла ничего более остроумного, как спросить: «А где же Вы это взяли?» Ничего себе, правда, вопрос? Он глава Римской Католической Церкви, библиотека Ватикана за углом, а я задаю ему вопрос о том, где он взял каталог Библиотеки иностранной литературы. Тут я в себя пришла и говорю: «Простите меня ради Бога, я хотела задать Вам другой вопрос — почему это Вас интересует?» И тут я начала быстренько предлагать ему ответы: «Может быть, потому что Вы поляк, и мы славяне?» Еще какие-то варианты я перечисляла. И этот согбенный старик произнес мне по-английски: «Вы знаете, меня это интересует не только потому, что я из Польши. Меня это интересует, потому что то, что делает Ваша библиотека, а я о ней слышал, сейчас скажу Вам от кого, очень важно. Вы пытаетесь закончить войну. Потому что до тех пор, пока книги являются пленниками, — идет война и летит пуля». И тут он употребил поразительную метафору, которая и к нам, грешным, имеет отношение: «Пуля, настоящая пуля, а не та серебряная, которой поражают нечисть, она все летит и летит в воздухе. А знаю, — он сказал, — о том, что Вы делаете, от человека, которого я очень люблю. И зовут его Ежи». Вот как я в первый раз у Святого Отца услышала, как он называет нашего отца Георгия. Он сказал: «Вы же его хорошо знаете?»

Лина САЛТЫКОВА

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Пятнадцать лет вместе — долгий, тяжелый, радостный, необыкновенный путь. Начну с начала. Конец 1989 года, несколько прихожан во главе с отцом Александром Менем отправились в РДКБ, не зная, что мы там будем делать, как нас там примут и чем это все закончится. Мы постарались «внедриться»: приняли нас неодобрительно, никто не понимал, что мы собой представляем. Отец Георгий говорил о том, что больницы в советское время были закрыты для священников и для прихожан. Он вспоминал о том, как вместе с отцом Александром Менем ходил по больницам больных исповедовать. Отец Александр был как будто бы врач, в

халате, а отец Георгий в чемоданчике нес епитрахиль, Крест. Они тайно переодевались, отец Георгий стоял «на воротах» — смотрел, чтобы не зашел врач. Если бы их обнаружили, это грозило очень серьезными последствиями: отцу Александру могли запретить служение, отца Георгия могли выгнать с его тогдашней преподавательской работы.

Возвращаясь к 1989 году. Было нас несколько человек. Отец Александр регулярно приезжал в больницу, он крестил, по-моему, всю больницу, потому что все тогда были некрещеные.

Мы старались помогать в больнице, чем могли, но через полгода батюшку убили, и мы остались

Глупо было отрицать, ибо было понятно, что я его слишком хорошо знаю, и обо всем том, что делает наша библиотека, какие каталоги мы издаем, Святой Отец узнал от человека, которого он очень любил, очень почитал.

Было и второе письмо. Я отнеслась серьезнее к этому письму, потому что я поняла, что хоть русско-советская почта работает плохо, но, вероятно, не настолько плохо, чтобы доставлять мне липовые письма из Ватикана. Представьте себе, это было письмо-просьба, просьба главы Римской Католической Церкви, адресованная скромному директору крупной библиотеки. Он просил меня послать Ежи как сотрудника Библиотеки иностранной литературы — я не знаю, что у него в голове смешалось, это письмо надо было в другое место направить, в Отдел внешних церковных сношений, а он написал мне. Видимо, будучи славянин и поляк, он понимал, что тут у нас происходит.

Когда-нибудь я опубликую это письмо. Он просил, чтобы Ежи приехал в Рим, и писал, что никто так Рим не чувствует, как «мой Ежи». Никто.

Смысл просьбы был такой: дорогу возьмите на себя, а все остальное мы тут обеспечим. Не скрою от вас, что мне было очень трудно в те годы взять на себя эту дорогу, хотя

сейчас, наверное, нам было бы это проще сделать. Я знала, что если скажу об этом отцу Георгию, он ответит в том духе, что никуда я не поеду, лучше возьмите эти деньги и их потратьте и тому подобное. Можно себе представить, что бы он сказал... Дорогу для этого служебного задания, которое было у отца Георгия по просьбе главы Римской Католической Церкви, — написать «Римские заметки», которые, по мнению главы Римской Католической Церкви, были лучшими описаниями Рима, — оплатил человек, который необычайно высоко ценил отца Георгия. Придет время, мы обязательно про это напишем. Это был Джордж Сорос.

У Фонда Сороса, во всех 47 странах, где он работает, есть одно правило: в правление не должен входить священник, потому что это не религиозная организация. Есть какие-то исключения, подобно Польше, но это, как бы сказали англичане, *chance because* — потому что это Польша. Но во всех других странах это никто даже не обсуждает.

И вот я помню, мы были в Будапеште, обсуждали какие-то вопросы, это было уже после поездки отца Георгия в Рим, и тут Сорос говорит: «Вы знаете, я очень хочу, чтобы Вы пригласили в правление отца

Георгия Чистякова». Я говорю ему: «Послушайте, как можно пригласить отца Георгия в наше правление, это же православный священник — есть же правила, есть регламент, есть всякие порядки». Он на меня посмотрел и говорит: «Катя, Вы мне какой год объясняете, что Русская Православная Церковь играет такую важную роль в жизни общества. Так пусть она и играет в лице этого замечательного человека».

И последнее, это уже не такая веселая вещь, но очень важная. Когда не стало отца Георгия, Фонда Сороса уже не было в России. И было наше отпевание, и было наше горе в храме Космы и Дамиана. И когда я пришла после кладбища, после наших поминок к себе в кабинет, я нашла у себя в почтовом ящике (Сорос не пишет писем, а только передает кому-нибудь свои указания) присланные Джорджем Соросом следующие слова: «Я знаю, как он был дорог всем вам. Я очень хотел бы пожелать моим детям, чтобы на их пути встретился такой человек».

Отец Александр, лучше я не смогла.

*Выступление на вечере памяти
о. Георгия Чистякова,
ВГБИЛ, 23.06.2008*

одни, не понимая, что нам делать, как нам быть. И так продолжалось два года. Ходили священники, чередуясь, но это было редко.

В 1992 году отец Александр Борисов, спасибо ему большое, принял нас под свое крыло в храм Космы и Дамиана, и таким образом возникла Группа милосердия имени отца Александра Меня.

Один раз, оставшись после службы, я услышала очень интересную беседу некоего человека, которого я до этих пор даже не знала. Я спросила, кто это, мне сказали — Георгий Петрович. Но голос его мне был знаком по Новой Деревне, потому что забыть такой голос нельзя. Я из-за дверей отца Александра слышала, как они разговаривали, и теперь поняла, что это — тот самый человек. И мы попросили его, не мог бы он приходить в больницу и там беседовать с детьми и родителями. Потому что это такое тонкое дело, что справиться с ним практически невозможно. Ответить на вопросы: за что, почему умирает мой ребенок? почему Бог такой плохой? — невозможно было. Ты не можешь смотреть в глаза маме, у которой умирает ребенок, и что-то ей объяснять. Это может делать только человек, имеющий такой дар свыше. Георгий Петрович согласился. Была весна 1992 года, когда он появился в больнице, вел беседы с мамочками. А уже осенью 1992 года его рукоположили в дьяконы, и тогда он стал нашим духовным руководителем и был им 15 лет. Сам отец Георгий говорил: «Я не знаю, как это вышло, меня особенно никто не звал, это получилось само собой, сверху. Я подумал: раз никто не взял на себя это, значит должен это делать я».

В 1993 году его рукоположили в священники, и тогда он пришел служить Литургию в больнице, в отделении физиотерапии, куда сбежала вся больница. Через некоторое время, за две недели до Пасхи 1994 года, администрация, видя наше упорство, выделила нам помещение для храма — старый заброшенный конференц-зал с дырявым потолком. За две недели мы подготовили это помещение к Пасхальной служ-

бе. Алтарными преградами были медицинские ширмы с крестами, иконы были наклеены на доски, но мы служили эту Пасху. Это было во вторник Светлой седмицы. И с тех пор возникла традиция вторичных Пасхальных служб. С 1998 года главный врач разрешил нам проводить ночное богослужение, и каждый год на Пасху бывает ночная служба.

Но я хочу перейти к цитатам, у меня их очень много. Отец Георгий говорил потрясающие вещи в больнице. К сожалению, я не смогу их все воспроизвести, но скажу вот о чем. Он очень много говорил о детскости и о детях: «Детям многое дает Церковь, но в особом, детском плане. Оказывается, они могут находиться с Богом в таких же глубоких и потрясающе личных отношениях, как святые. Как те святые, что ими же изображены здесь, на иконах. У детей всегда есть сильное чувство Бога, это им дано. Бог без религии, без традиций, без установок на результат. Важно, чтобы дети с детства были в Церкви. Пусть они потом оттуда уйдут, в школе или позже. Но если потом в их жизни что-то случится, им будет куда прибежать, потому что они пережили это в детстве. Их детское чувство сохранится и им поможет».

Первое время отец Георгий бывал в больнице часто, буквально через день. Это было как раз то время, когда была большая летальность, когда было много горя. И конечно, он пропускал это все через свое сердце и остро переживал. Когда же открылся храм, отец Георгий бывал каждую субботу обязательно. Потом, по мере того, как его загружала жизнь, у него оставалось времени все меньше и меньше, он стал приезжать на службу раз в неделю в субботу, иногда пропуская ее. Но был один день в году, который батюшка не пропускал никогда. Это была служба Великой Субботы. Он необыкновенно любил этот день, говорил, что Христос уже воскрес, но мы этого еще не знаем. И вот один раз в Великую Субботу он открыл Царские врата, и выбросил на всех нас, молящихся, лепестки

нарциссов как знак того, что мы дождались. Дети были потрясены.

«Если не обратитесь и не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное», — с этими словами обращается к нам Христос, ко всем без исключения — и к взрослым, и к детям. Он хочет, чтобы мы были, как дети. Что это значит? Быть ребенком совсем не означает ходить в детской одежде. Будет очень смешно, если взрослый человек наденет детскую одежду, это что-то совсем другое.

Сегодня утром, когда я пришел в церковь, одна маленькая девочка ждала Таинства Крещения. Увидев меня, она сразу сказала: «Дядя»... Вот, наверное, первый признак детскости: для маленького ребенка все люди — дяди и тети. Все люди родные. В детстве у нас нет врагов, в детстве мы не видим в людях плохого, а видим только хорошее. И есть в нашем сердце, пока мы остаемся детьми, здоровое чувство: нельзя оторваться от родителей слишком далеко.

И наша задача, когда мы вырастаем, — почувствовать, что и от Бога, от Отца Небесного, так же, как от родителя, нам нельзя отрываться. Потому что человек, который отрывается от Бога, оказывается в самом ужасном положении.

Давайте стараться учиться быть детьми и, становясь взрослыми по уму и по ответственности, сохранять ту детскость, к которой зовет нас Христос, о которой говорит нам опыт святых и праведников. Дух детскости — это дух, вне которого и без которого мы перестаем быть людьми, а превращаемся в каких-то страшных носителей интеллекта и ничего другого».

У отца Георгия всегда вызывали умиление записки «О здравии», написанные самими детьми, например, такие: «Мама, папа, Рома (хомяк), Натан (собака), Илюша, Леша»; или: «Отец Георгий, помолитесь за моего попугая Кешу, он умер». На полном серьезе. И он так же серьезно к этому относился.

Отец Георгий удивительно тонко и глубоко чувствовал детей, было очень заметно, что сам он, будучи взрослым, по сути, оставался ребенком, который очень любил

животных и игрушки. Его беседы с детьми разных возрастов, умение вникнуть в их проблемы, подчас не совсем внятно изложенные, его распахнутость навстречу каждому окрыляли и маленьких, и находящихся рядом взрослых. При этом он оставался необыкновенно доступным для всех.

Самой любимой игрушкой отца Георгия много-много лет были плюшевые мишки. И вот один раз он открыл великую тайну, что у него дома есть «мишкина школа». Многие прихожане, зная эту его страсть, приносили ему в подарок мишек, плюшевых и просто мягких. И он организовал дома школу, и когда мишка был уже готов, он приносил его в больницу и дарил какому-то ребенку. А его самым любимым рисунком был рисунок одной девочки, подаренный ему: «Одинокий мишка». Он висел у него дома до последних дней.

Приходя в палаты к тяжелобольным детям, отец Георгий излучал необыкновенные тепло и свет. Сам немощный, он подбадривал ребят, шутил с ними, находил удивительные слова, которые преображали порой больного ребенка и давали ему импульс к выздоровлению. Дети всегда с нетерпением ждали батюшку, рассказывали ему о своих игрушках, картинках. Есть фотография, на которой отец Георгий на коленках усердно возит с кем-то машинку. Я узнала это недавно: дети и родители в больнице называли отца Георгия «волшебный батюшка». Мне кажется, это очень ему подходит.

Отец Георгий любил говорить о том, что мы — одна семья. Вот что он говорил на проповеди: «И благодаря тому, что мы не просто приходим сюда послужить Литургию и сказать какие-то теплые слова или принести подарки, нет, благодаря тому, что мы с ними всю жизнь разделяем, что мы знаем обо всех их бедах, обо всех их проблемах, мы сумели создать семью Христову в нашем странном, необычном, сделанном из кинозала, храме.

Мы не должны забывать, что Церковь — это семья, а в середине всегда — Христос, и вокруг него все

мы собираемся как братья и сестры. О том, что нам удалось создать такую обстановку, о том, что Господь присутствует здесь среди нас, об этом все знают, и дети, и родители, и врачи, и весь остальной персонал в больнице».

Я забыла сказать еще такую интересную вещь. Вскоре после того как отца Георгия рукоположили, и он стал служить в больнице, наш волонтер, Володя Шишкарёв, сказал отцу Георгию: «Отец Георгий, я недавно прочитал книжку Грема Грина “Сила и слава”». Эта книга заканчивается тем, что в Мексике убивают последнего священника, на глазах у мальчика. И мальчик рыдает, всю ночь не может заснуть, и вдруг под утро раздаётся стук в дверь. Он с опаской приоткрывает дверь, и в дверь просовывается ботинок. И Володя спросил: «Отец Георгий, это был Ваш ботинок?» Отец Георгий это принял. И как оказалось, это была правда.

17 марта 2007 года отец Георгий последний раз служил в больнице. После этого мы снова осиротели...

В знак уважения и полного принятия главный врач распорядился повесить некролог и портрет отца Георгия у главного входа больницы, где размещаются некрологи только ее сотрудников. То есть он считает нас сотрудниками больницы, и это для нас большая честь. Причем отец Георгий не раз отпевал на этом месте умерших сотрудников больницы.

И под конец я прочитаю вам воспоминание об отце Георгии руководителя Детского гемцентра, профессора Масчана. «Я уже не помню, когда познакомился с отцом Георгием. Это было в начале 1990-х годов, когда волна так называемого “духовного возрождения” выбросила на поверхность самый примитивный религиозный планктон. Православные священники, протестанты, баптисты — кто только ни пытался проникнуть к нашим больным и их родителям. Прийти, распеваю говорить банальности, поучать смиренню, уверить, что все в руках Божьих, и удалиться, не сделав ничего. От всех них веяло убогим догматизмом. Но

когда я, признаюсь, высокомерный и предубежденный, встретил отца Георгия, я был поражен его обликом. Точнее, контрастом с обычным образом священника. Сухопарый, с небольшой бородкой, умные, глубокие, но очень веселые глаза, походка почти бегом, высокий тенорок, никакой величавости. Нас представили друг другу, он приветливо улыбнулся — недежурной, открытой и доброй улыбкой. Я тогда еще не знал, что отец Георгий — серьезный ученый, филолог, знаток культуры. Мы поговорили. Оказалось, он знал обо мне, о наших врачах. Он сказал, что очень доверяет нам, что он сам и прихожане будут помогать нам лечить детей. И мы долгие годы постоянно чувствовали его поддержку, поддержку во всем. Нам присылали самые дорогие и лучшие лекарства, прихожане помогали нам ухаживать за детьми. Благодаря его бесчисленным международным связям, наши врачи ездили учиться за границу. Его, кстати, совершенно не волновало, являемся ли мы верующими или нет. Ему вообще были чужды ярлыки и формы. Я как-то спросил его, существуют ли у священников профессиональные приемы работы с больными детьми и родителями больных и умерших детей. Он сказал, что не существует, что не может быть профессиональных приемов помощи в преодолении горя, что здесь работает душа, а не разум, сердце, а не интеллект. Я был счастлив услышать это. Бог растроган в нас, он милостив и щедр. Жизнь отца Георгия — один из его подарков нам».

Закончу я смешным случаем. На одном из семинаров по медицинской этике доклад отца Георгия назывался: «Может ли быть христианская этика?» В этом большом докладе обсуждались вопросы эвтаназии, клонирования, трансплантации. И в конце один профессор из онкоцентра встал и сказал: «Я предлагаю клонировать отца Георгия».

*Выступление на вечере памяти
о. Георгия Чистякова,
ВГБИЛ, 23.06.2008*

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

МЫ ВСЕ – РОДНЫЕ ДРУГ ДРУГУ

Братья и сестры, дорогие мои друзья, большие и маленькие, и совсем маленькие! Мы переживаем сейчас удивительные, радостные и чистые дни Рождества Христова. Как беспомощный, совсем маленький младенец лежит Иисус в яслях рядом со своей Матерью, сидящей около Него; а вокруг яслей Его обступили животные, которые жили постоянно в этой пещере. Ясли — это кормушка для скота, она очень напоминает колыбельку по форме, и поскольку не было места в гостинице для Пречистой Девы, Матери Иисуса, и Его названного отца, Иосифа, они были вынуждены находиться в это время в пещере для скота.

Там и родился Иисус, и Мать Его, как в колыбельку, положила в эту кормушку для скота, которую мы называем славянским словом «ясли». Там им лежит Младенец Христос, и весь мир постепенно тянется к Нему. Сначала пастухи, которые рядом пасли стадо, потом волхвы, ученые люди с Востока, которые специально пришли, чтобы поклониться младенцу Иисусу, и, наконец, мы все с вами, братья и сестры, сколько нас ни есть, взрослые и маленькие, совсем большие и ученые и совсем маленькие и поэтому еще совсем безграмотные, люди разных цветов кожи, люди разных народов, люди, живущие в разных городах и землях — все мы мало-помалу стекаемся к этим яслям, где лежит Младенец Христос.

И так все вместе мы составляем Церковь, большую семью Христову. Вы все знаете, что в церкви мы обращаемся друг к другу: «братья и сестры», — и это не какой-то обычай. Сама суть христианства заключается в том, что мы не просто люди, мы все — родные друг

другу, мы братья и сестры. Вот это мне хотелось сказать вам сегодня, в праздничные дни Рождества Христова, дорогие друзья.

И еще хотелось сказать, что я очень благодарен всем батюшкам, принявшим участие в богослужении. Мне всегда немножко трудно в нашем больничном храме стоять перед престолом, потому что мне кажется, что мое место сбоку, потому что перед престолом должен стоять основатель нашей общины, основатель нашего храма отец Александр Мень, которого убили так рано, и поэтому он не продолжил *видимо* дело в больнице, но на самом деле я чувствую, что это дело продолжается именно благодаря тому, как он его начал, и благодаря его молитвам, которые мы чувствуем и сегодня. И поэтому мне особенно дорого, что старый ученик отца Александра и мой старший друг и настоятель храма, в котором я служу, отец Александр Борисов сегодня участвует в нашем бо-

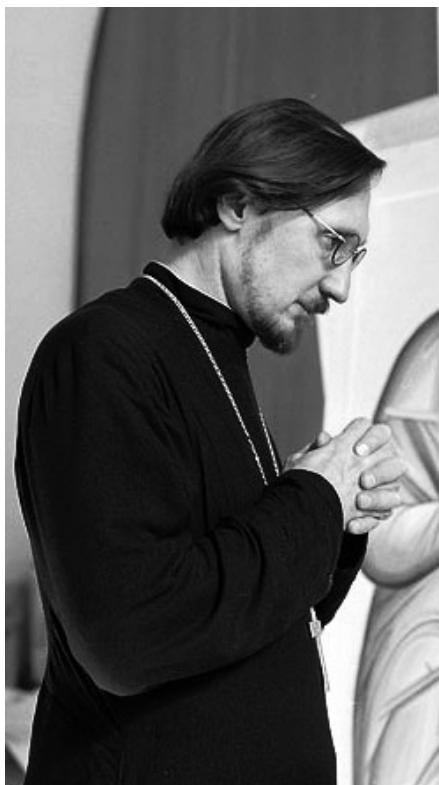
гослужении. Мне очень дорого видеть, как всегда, рядом с собой отца Димитрия, а сегодня еще вместе с нами служил совсем молодой священнослужитель, отец Виктор, который только начинает свой путь как священнослужитель, как дьякон в Церкви Христовой. И я вспоминал, как мы все когда-то начинали, и как нам было боязно и радостно, вместе с тем, произносить каждое слово во время богослужения.

Спасибо и вам, дорогие братья и сестры, которые сумели, несмотря на то, что сегодня день лечебный, каким-то образом попасть сюда, в церковь, и участвовать в Божественной литургии, молиться вместе с нами.

Да хранит, да укрепит, да благословит вас всех Господь!

С великим праздником Рождества Христова!

*Проповедь на Рождественской Литургии в Российской детской клинической больнице
9 января 2003*

Отец Георгий был не из семьи «верующей московской интеллигенции», а из вполне советской семьи. Его отец, Петр Георгиевич Чистяков, был полковником авиации, преподавателем математики в Военно-Воздушной технической академии имени Жуковского, ветеран войны, член КПСС (умер в 1987 году). Мать — Ольга Николаевна, доцент биологического факультета МГУ, кандидат биологических наук (ботаник).

Георгий не был «тем вундеркиндом, о котором взахлеб писали советские газеты» и поступил в МГУ не в 14 лет, а в полные 17, в 1970 году, после школы (бывшая 11-я спецшкола с английским языком, на Красноказарменной улице)*.

Он учился не на филологическом, а на историческом факультете (кафедра истории древнего мира). Но бывал и на филологическом факультете, где посещал факультативные занятия.

Окончил исторический фа-

На сайте памяти отца Георгия <http://horatertia.com> несколько месяцев назад были опубликованы краткие замечания Александра Бодя, с юности знавшего будущего священника Георгия Чистякова. Эти заметки корректируют некоторые расхожие «мифологемы» биографии о. Георгия, которые после его безвременной кончины попали и в публикации, в том числе на сайте храма Космы и Дамиана и в «Приходской газете». Поэтому считаем необходимым перепечатать заметку А. Бодя на наших страницах.

УТОЧНЕНИЯ К БИОГРАФИИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

культет в 1975 году, после чего преподавал латинский язык в институте иностранных языков.

Защитил кандидатскую диссертацию в 1983 году по истории у профессора Голубцовой, тема диссертации: «Труды Павсания как исторический источник». Таким образом, он был кандидатом исторических наук, а не «доктором филологических».

Слова отца Георгия о том, что он «заговорил по церковнославянски раньше, чем на русском» — шутка, которую приняли, увы, всерьез.

В образовании и воспитании отца Георгия большую роль сыграли старшие родственники с обеих сторон, особенно с материнской (тетки его матери)**. Они и обучили отца Георгия основам древних языков и некоторых европейских (французского и итальянского). В дальнейшем отец Георгий значительно пополнил эти знания, занимаясь факультативно.

Отец Георгий был и любителем серьезной музыки, посещал концерты и сам немного играл на фортепьяно (об этом никто не писал — видимо, и не знали).

Путь отца Георгия к Вере в Бога был не так прост, как пытаются изобразить. Была у него и детская вера, но в

дальнейшем он оставался «потихоньку верующим», и с атеизмом в открытые конфликты не вступал, прошел через увлечение классической греческой и римской (т.е. языческой) культурой. Зрелую и сильную веру обрел к концу учебы в университете. Во многом он пришел к Вере именно через освоение европейской духовной культуры.

*В этой школе традиционно сильны были физика и математика, т.к. она находилась под окормлением технического ВУЗа, — как-то подчеркнул отец в одном из разговоров. Это было внутренне важно для него, не раз слышалось в его речи трепетное уважение к естественным наукам, несвойственное гуманитариям, он слишком опытно знал, что иной раз из «технарей» вырастает. Хотя никогда не поощрял безумный, повальный переход своих «физтехнов» в гуманитарии (Прим. ред. сайта <http://horatertia.com>)

** Совершенно особую роль играла бабушка Варвара Виссарионовна, о ней мы обязательно еще напишем (Прим. ред. сайта <http://horatertia.com>)

Александр БОДЕ
©<http://horatertia.com>

В Великую Субботу наш храм посетил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II

Митрополит Сурожский Антоний

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВСЕХ СВЯТЫХ, В ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРОСИЯВШИХ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

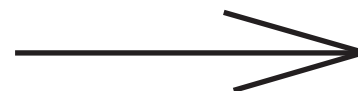
Мы празднуем день всех Святых в земле Российской просиявших, то есть тех людей, которые сумели всем своим существом отозваться на Божию любовь. Каждый народ отзывается по-своему. Летописец Нестор говорит, что каждый народ вносит как бы свою неповторимую ноту в ту симфонию мира, которая в конечном итоге будет песнью перед Лицом Божиим. И наши святые тоже вносят нечто *своё* в эту симфонию.

Если задуматься над историей Русской Церкви, то первое, что поражает в русской святости,

это охваченность сердец, умов, жизнью — красотой. Когда наши предки впервые встретили Православие, им показалось, что они уже не на земле, а на небе, их поразило сознание красоты. И не случайно духовные писатели часто говорят о Боге не только как об Истине, о Вечности, о Творце, но и как о Красоте. Почему так? — Не все мы можем познать, что такое величие, что такое святость, а красоту мы все знаем. Мы не все одни и те же предметы называем прекрасными, но мы все отзываемся восхищением на то или другое: как это прекрасно! Как это красиво!.. Это может быть зрелище, это может

быть картина, это может быть закат, это может быть человек, это может быть слово правды — все может быть прекрасным (хотя может быть и уродливым).

И наши предки отзывались именно на красоту, которая была выражена в византийском богослужении, красоту храма, красоту икон, красоту пения. Но за этим была красота духа, такая красота, какой они не знали, будучи до того язычниками; красота людей, которые познали все величие, к какому

Есть замечательная традиция кратких посещений московских храмов Святейшим Патриархом в Великую Субботу. Поскольку храмов открывается всё больше, случается такое не каждый год. Последний раз Патриарх приезжал к нам весной 1995-го. И вот, спустя 13 лет, он снова оказал нам честь своим визитом.

Обращаясь ко всем присутствующим в храме, Его Святейшество сказал: «Дорогие братья и сестры! Позвольте мне во время Пасхального богослужения передать поздравление и наше благословение, чтобы радость о Христе Воскресшем наполняла душу всех, и этой радостью каждый, кто прославляет Господа Воскресшего, жил и совершал свой жизненный подвиг».

С ответным словом к высокому и дорогому гостю обратился отец Александр Борисов: «Ваше Святейшество, Святейший Владыка, Ваше Высокопреосвященство! Мы сердечно благодарим Вас за этот визит, тем более радостный, что совершенно неожиданный. Будучи бесконечно признательны Вашему Святейшеству за внимание Ваше, за Ваше благословение, все мы желаем Вам здоровья, сил, радости на многая, многая и благая лета!»

призван человек, и которые всеми силами стремятся к тому, чтобы быть достойными себя, достойными Бога. Вот это первое, что поразило русских людей, когда они впервые встретились лицом к лицу с богослужением, с поклонением Богу, с тем местом, где Его любовь центром жизни и где Его любовь отдаётся и принимается людьми.

А из этого истекает другое: сознание, которое есть в русской святости о том, что все должно быть безмерно, абсолютно, что все должно быть так же велико, так же прекрасно, как Бог, как любовь, как красота. И это в результате подвело к тому, что в русской святости

ярким образом сияет аскетический момент, то есть отношение человека к самому себе беспощадное, строгое и, одновременно, ликующее, потому что человек-аскет, святой любит в себе, почитает в себе образ Божий и всеми силами старается его очистить, обновить в себе и сделать достойным той любви, которую Бог нам отдает. Эта глубина вызывает в человеке *решимость* беспощадно бороться за то, чтобы быть достойным себя самого. Это второе свойство, которое меня поражает в русской святости.

А дальше — бесконечное терпение и бесконечное сострадание,

сострадание ко всякой твари, ко всякому человеку. Ведь преступников у нас в России называли несчастными, не потому что они были наказаны, а потому что они себя изуродовали, потому что вместо того, чтобы быть красотой, они стали страшными и уродливыми.

Задумаемся хотя бы над этими тремя чертами русской святости, потому что они не только нам дают пример, — они нас призывают к тому, чтобы последовать этому примеру, как апостол Павел говорил: Будьте мне последователями, так же как я — последователь Христов (I Кор 4, 16).

Аминь.

ВСЯ НАША ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ СТРЕМЛЕНИЕ ПРИБРЕСТИ В СЕРДЦЕ ДУХ БОЖИЙ

ОБЩАЯ ИСПОВЕДЬ НА ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА

Вспоминается мне один случай из жизни святого апостола Павла. Приехал он в город Эфес и встретил там маленькую общину новообращенных христиан, которые когда-то были учениками Иоанна Крестителя. Они уверовали во Христа, вместе молились, вместе жили. И вот, расспрашивая их, как же они жили, апостол задает вопрос: «А приняли вы Духа Святого?» Они переглянулись и сказали: «А мы не знаем, что это такое» (Деян 19:2). Тогда апостол говорит: **«Самое главное прошло мимо вас. Вы не можете быть настоящими, истинными христианами, если не примете Духа Святого».** А преподобный Серафим Саровский чудотворец выразил это так: **«Вся наша жизнь христианская есть стремление приобрести в сердце Духа Божия».**

Вот, оказывается, какой сегодня важный день. О чем, о каком важном событии говорит нам сегодня святая Церковь и Священное Писание? Это для нас очень важно. И я могу спросить вас, как апостол Павел спрашивал тех людей: «Приняли вы Духа Божия?» А вы скажете: да, когда нас крестили, было миропомазание — на нас была положена печать Духа, но сами мы, своей волей, своим сердцем, своим желанием Духа Божия не приняли.

Вот дорогие мои, откуда обычное наше состояние, когда мы как бы топчемся на одном месте: изо дня в день, из года в год мы приходим с теми же самыми, однообразными грехами. Мы повторяем всегда одно и то же. Мы ни с чем не можем сладить. Неприязнь какой-нибудь родственницы, трудности с детьми, трудности с собственным языком, который сначала работает, а потом уже думает голова. Трудности с собственными чувствами, которые в нас, подобно мине, могут взорваться в любую минуту: чуть-чуть на нее наступишь — она сразу дает взрыв. Как только нам что-нибудь не по нутру — мы готовы мгновенно обрушить на человека град брани, ругательств, злых слов.

Конечно, все мы несем какие-то тяготы в жизни. Без них человек

никогда не будет человеком. Но их можно нести по-разному: можно нести твердо, нести как крест! нести торжественно, а можно их волочить... Так вот, **Дух Божий** переворачивает все внутри человека и делает его совсем другим! Поэтому мы должны стремиться принять Духа Божия.

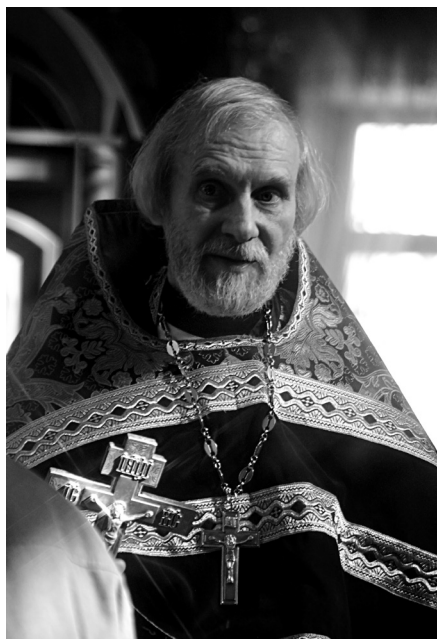
Этому учит нас Церковь. Она учит молитве, которую вы все повторяете ежедневно: «Прииди и вселись в ны, и очисти ны от всякия скверны». «Вселись в нас» — это значит, чтобы наши мысли были просвещены разумом Божиим. А чем просвещены наши мысли? Да у нас там мусор! Мусор. Мелкая пыль! Ничтожные мысли, которые роются в голове! А в сердце? Зависть, недоброжелательство, ревность, раздражение! Мы идем по улице — нам все люди противны. Отношения с людьми у нас плохие. Мы невыдержанны. Язык наш сначала может ранить человека, а потом мы его жалеем, но уже поздно. Мы склонны солгать, слукавить, обмануть! А главная болезнь в нас, самая тяжелая болезнь, почти неизлечимая! — это «ячество», мое «я», мой интерес, моя забота, мой покой, моя личность — чтобы это было на самом первом месте. И если этого нет, мы обижаемся, оскорбляемся. А поскольку жизнь часто бьет нас и ставит на свое место, мы ходим в вечной печали. И только

в фантазии, в мыслях своих думаем: вот если бы мне дали волю, если бы мне дали власть, то-то бы я расправилась со своими соседями, со своими обидчиками, со своими клеветниками! Господи, прости нас, грешных.

Дух Божий сказывается и в молитве. Человек, у которого в сердце хоть искорка Духа Божия — у него, вста-

ющего утром, первая мысль — о Христе Спасителе, и последняя мысль — о Нем. Он постоянно с Господом. Или, по крайней мере, в любую минуту он может к Нему повернуться и почувствовать, что здесь Господь. Но не таковы мы. Молитвы мы читаем просто из обязанности, читаем вяло, пробормочем несколько слов и нам этого достаточно. Конечно, и то хорошо, но ведь это... очень слабое хорошее

МНОГАЯ И БЛАГАЯ ЛЕТА!

**14 июня 2008 г. исполнилось
35 лет со дня диаконской
хиротонии
О. АЛЕКСАНДРА БОРИСОВА**

ее; мы делаем это по человеческой привычке, а не по Духу Божию. Дух Божий вселяет в нас радость, уверенность, спокойствие! Он дает благословение в жизни, благословение Божие, мужество в испытаниях! А в нас вместо мужества уныние, слабость, отчаяние, малодушие! Вместо упования на Господа мы уповаем на свои силы, которых у нас на самом деле не так-то много, а порой — и совсем нету.

ПАМЯТЬ ВЕЛИКОГО ИКОНОПИСЦА

Господи, помилуй и прости нас, грешных. Чем же мы можем исправить это положение? Откуда в нас ложь и раздражение, недобросовестное отношение к нашему делу и неумение мирно жить друг с другом? Откуда это? Потому что мы — люди никуда не годные! Будем смотреть правде в глаза: никуда не годные. Нервы — у всех никуда не годятся, характеры в большинстве случаев тяжелые. Да, все у нас не так, как надо. Поэтому друг с другом жить не можем, дело свое не выполняем, ничего у нас не выходит. И вот тогда-то волей-неволей и вспомнишь: ведь Господь нам обещал дар Своего Духа! А Святой Дух дает человеку силы. Как сказано в Евангелии от Луки: «Оставайтесь в городе Иерусалиме доколе не облечетесь силою свыше» (Лк 24:49). И апостолы ждали, и пришел к ним Господь и вселил в них силу. И эта сила умножает нашу веру! Она нас соединяет с вечностью, с настоящей жизнью: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17:2).

Поэтому будем все молиться, просить, чтобы Господь дал нам силу Своего Духа. Чтоб эта сила внушила нам вместо ненависти — любовь, вместо страхов — твердость и мужество, вместо распушенности — сдержанность, вместо озлобления к человеку — терпение, вместо раздражения — выдержку, вместо болтовни языком — сдержанность на язык, вместо лени — трудолюбие, желание помочь другим, вместо самолюбия, самости и гордыни — здоровое смирение, здоровую скромность, готовность всегда услышать и увидеть, в чем человек нуждается, чем человек живет, способность видеть вокруг себя людей.

Все это дает нам Дух Божий. И Господь не обманывает! И даст вам и даст сегодня, если будете молиться по-настоящему! Господи, пусть войдет в меня сила этого Духа! Все молитесь. А мы пока вместе с вами повторим, вслух: Царю Небесный, Утешителю душе истинный... Господи, Иисусе Христе! Всем нам собравшимся ниспосли Духа Твоего. Всех нас озари Своим благословением. Укрепи, прости наши прегрешения, которые мы сотворили до сего дня! Очисти, сделай нас чадами Божиими, истинными членами Православной Церкви. Господи, помилуй и прости...

7 июня 1987 г.

17 июля (4 июля по старому стилю) Русская Православная Церковь чтит память преподобного Андрея Рублева, прославленного иконописца и последователя преп. Сергия Радонежского. Великий изограф Древней Руси, создатель всемирно известной иконы «Троица» был причислен к лику святых в 1988 году, на Соборе 1000-летия Крещения Руси.

Он жил в переломное историческое время в России, во время татаро-монгольского ига, в пору подъема национального самосознания и движения к объединению русских земель. Мало сведений сохранилось о нем, биография Андрея Рублева восстанавливается с трудом, по малым крупицам,

исторические свидетельства о нем порой противоречивы. Мы даже не знаем, как его называли родители, потому что имя Андрей явно монашеское. А Рублев — это прозвище (фамилий тогда не было), и оно может быть и его прозвищем, и прозвищем его отца.

Родился Андрей Рублев, вероятно, в 1360-е годы, умер в 1430 году. В зрелые годы работал в Звенигороде, Владимире, Москве. Руководил росписью Троицкого собора Сергиева монастыря, для Троицкого храма писал образ Св. Троицы. Последним его пристанищем был Спас-Андроников монастырь в Москве. Здесь, незадолго до смерти, он расписал Спасский собор (фрески не сохранились), здесь он и был похоронен.

В летописях сохранились некоторые сведения о Рублеве. Так, например, говорится, что в 1405 году «чернец Андрей Рублев» вместе с Феофаном Греком и Прохором из Городца украшал Благовещенский собор Московского Кремля, а в 1408 году с Даниилом Черным, «другом и сопостником» расписывал собор Успения во Влади-

мире. Наиболее ранними, около 1400 г., из рублевских росписей считаются фрески церкви Успения на Городке в Звенигороде (не сохранились).

В сарае около этого собора в 1918 г. реставраторы обнаружили три иконы — Спасителя, апостола Павла и архангела Михаила. Они получили название «Звенигородский чин» и были приписаны авторству Андрея Рублева из-за своего высоко художественного качества и богословской глубины.

Все соборы, начиная со Стоглава

(1551 г.) предписывали иконописцам писать, как Андрей Рублев, утверждая тем самым его творчество в качестве канона для церковного искусства. И сегодня, по прошествии шестисот лет, рублевский стиль считается вершиной русской иконописи.

Ирина ЯЗЫКОВА

Пасмурным мартовским утром такси подвезло меня к аэропорту Домодедово. За окном замелькала березовая роща. Тонкие, хрупкие березки тянулись к серому небу. Внизу, под ними, лежал отяжелевший, подтаявший снег. Неужели всего через несколько часов я буду в другой стране, где под голубым небом и ярким солнцем уверенно стоят на толстых стволах высокие пальмы, величаво раскинув свои мощные зеленые ветви?

Я лечу на Святую землю. Кажется, я никогда и не расстаюсь с ней. Каждый день, открывая Евангелие, я оказываюсь то в Вифлееме, то в Назарете, то в Иерусалиме, на берегу Галилейского озера или в Гефсиманском саду.

Я лечу на землю Обетованную. Несколько тысячелетий назад там жили мои предки. Кем они были во времена Иисуса? Фарисеями и книжниками, гнавшими Его? Или шли за Ним по пыльным дорогам, напряженно ловя каждое слово Учителя? Стояли в толпе с пальмовыми ветвями, восклицая «Осанна Сыну Давидову!» (Мф 21, 9), или вместе с возбужденными фанатиками кричали «Распи, распни Его!» (Ин 19, 6)?

Еду я, к сожалению, не как паломница, а как гостя, еду к единственной сестре, уехавшей в Израиль 17 лет назад. Семья ее обрела в Израиле свой дом, хотя не восприняла ни иудаизм, ни тем более, христианство. В последнее время сестра настоятельно предлагает мне переехать к ним. Теперь, когда уже нет в живых наших родителей, когда я оставила свою любимую работу и возраст позволяет получить в Израиле пенсионное пособие, кажется, меня ничто не должно удерживать в России.

Сестра не знает, что еще за несколько лет до их отъезда произошла моя встреча со Христом, что я крестилась и воцерковилась, что вера помогла мне выстоять в очень тяжелых обстоятельствах.

Сможет ли родная сестра понять то, что с полуслова понимают мои сестры по вере?

Семья сестры живет в небольшом городе на берегу Средиземного моря. Дома, выстроенные из белого камня и освещенные ярким солнцем, придают городу праздничный вид. Обилие зелени. Нарядные цветочные клумбы. Воздух, особенно после московского, кажется таким чистым и свежим, что невозможно насытиться. Тихо и спокойно.

«Тебе нравится здесь?» — с надеждой спрашивает сестра. Да, нравится. Хотя непривычная для европейского глаза архитектура, призванная сохранять прохладу в доме даже в самый сильный зной, и надписи на иврите, воспринимающиеся как арабская вязь, не дают забыть, что ты на Востоке.

Моя первая экскурсия — в Иерусалим и Вифлеем. В автобусе сажусь на свободное место рядом с милой женщиной. Ее зовут Люба, она тоже из Москвы, тоже в гостях у родственников. Наш путь лежит из Тель-Авива в Иерусалим. За окнами — зеленые луга. По словам экскурсовода, уже через месяц трава будет выжжена беспощадным солнцем. Много незнакомых высоких деревьев, усыпанных яркими розовыми цветами. Одинаковые домики киббуц утопают в зелени. Мелькают арабские и

рея, обрамленная рядами мраморных колонн, заполнена разноязычными группами туристов. Переглядываемся с Любой: в такие места надо приезжать только с паломниками. Разглядываем мозаику, сохранившуюся местами на стенах и на полу. Наша цель — главная святыня храма — пещера Рождества, святой вертеп, расположенный под алтарем. У правого, православного, спуска к пещере большая очередь. Медленно спускаемся по скользким каменным ступенькам, с трудом сдерживая

ОТ ИОРДАНА НА ВОЛГУ

*«Куда Бог воткнул семечко,
Там оно и должно расти»
о. Александр Мень*

еврейские деревни. Потом начинаются живописные Иудейские горы. Автобус поднимается к Иерусалиму.

Первая остановка — на смотровой площадке. Ясным мартовским утром четко просматривается с нее вся панорама города. Справа — Масличная гора, у ее подножья — Гефсиманский сад, внизу — пересохшее русло потока Кедрон. Почти в центре, на горе Сион, — стены старого города. За каждым названием всплывают важнейшие события Евангельской истории.

Неужели все происходит реально и я вижу Иерусалим — этот Вечный Святой город — не во сне, не в воображении, не на DVD, а наяву?! Невозможно поверить. Невозможно оторвать глаз.

Медленно возвращаемся в автобус. У дверей неожиданно вижу знакомое женское лицо:

— Здравствуйте, Вы не из храма Космы и Дамиана?

— Да, меня зовут Лена, я обычно стою на раздаче теплоты.

Рассказываю Любе о неожиданной встрече и (о, чудо!) выясняется, что она тоже прихожанка нашего храма. Так, на Святой Земле оказалось маленькое представительство космодемьянской общины.

Вифлеем поражает узкими улочками, обилием сувенирных лавочек, громкими выкриками продавцов-арабов. Здесь и христианская тематика, и национальные арабские одежды, и яркие шелковые платки... Старый араб, сидя на тротуаре и зажав между пальцами одной ноги длинный смычок, водит им по струнам неведомого мне инструмента, издающего пронзительный звук. В этом шуме и сутолоке начинаешь забывать, зачем приехала сюда. Наконец, через низкую дверь входим в огромный храм Рождества Христова. Длинная гале-

напор идущих за нами групп. У пещеры стоит высокий монах и за протянутый на пожертвование доллар выдает бумажную иконку Рождества Христова, при этом, он непрерывно повторяет: быстрее, быстрее, быстрее. Едва успеваю упасть на колени и протянуть руку, чтобы прикоснуться к серебряной звезде, обозначающей место рождения Иисуса. Замираю на миг, осознаю значимость момента. Но общий поток заставляет двигаться дальше, к нише, где, по преданию, находились ясли, в которые был положен младенец Христос.

Поднимаюсь наверх и вижу Лену: «Поразительно... Потрясающе...» — только и может произнести она.

Теперь нам предстоит вернуться в Иерусалим и посетить Горненский женский православный монастырь. Автобус медленно и тяжело взбирается на гору. За воротами монастыря сразу ощущается особый благодатный дух обители. Других групп нет. В полной тишине идем по дороге. Слева открывается чудесный вид на Иерусалим и его окрестности, справа — живописный холм, по склону которого спускаются голубые цветки лаванды, встречаются еще не отцветшие бледно-розовые эдельвейсы и, подлинное чудо, черные калы, которые можно увидеть, кажется, только здесь. Выше, куда туристам вход запрещен, видны масличные, кипарисовые и миндальные деревья, между которыми расположены домики-келии монахинь.

На площадке перед входом в храм иконы Казанской Божьей Матери экскурсовод вдохновенно читает отрывки из Евангелия от Луки.

Горненский монастырь расположен на том месте, где проживали священник Захария и его жена Елизавета. Сюда после Благовещения пришла Дева Мария. Здесь встретила ее радостным

целованием праведная Елизавета. Здесь родился Иоанн Креститель.

Знакомые Евангельские строки, прочитанные на том самом месте, где происходили описываемые события, приобретают особое звучание.

На обратном пути встречаем нескольких монахинь. Две из них проходят мимо нас молча, потупив глаза. А третья озаряет нас светлой улыбкой: «Надышитесь нашим воздухом! Наполните душу этой благодатью!»

У выхода из монастыря нагоняю Лену. С пониманием смотрим друг на друга: «Остаться бы здесь».

«Как ты могла?! Ну почему христианство?! Почему не наша религия?!» — в голосе сестры искренняя боль, горечь, обида — «Так много евреев погибло, чтобы сохранить свою веру! А сколько было уничтожено христианами! Кто тебе это внушил? Ты просто себе что-то напридумывала. Как можно верить, что обычный человек был Богом?!»

Какой мучительный разговор! Помоги, Господи! Пытаюсь подобрать понятные сестре слова. «Понимаешь, это нельзя объяснить логически. В душе возникает чувство Бога и все преображается. Начинаешь читать Библию и понимаешь, что невозможно остановиться на Ветхом Завете, что Новый Завет — его естественное продолжение. Христианство укрепляет и воспитывает душу, научает терпению, смирению, любви, дает силы переносить трудности».

«Тебе просто нужна психологическая поддержка. У нас ее легко можно найти».

Невольно вспоминаю: «...ибо пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью, и невесту со свекровью ее» (Мф 10, 35). И это продолжается.

Второе мое путешествие — в Галилею. Это не просто географическая часть Святой Земли, связанная с детством и юностью Иисуса, Его проповедями, чудесами и Преображением. Просторы, горы, голубая гладь Геннисаретского озера, сам воздух кажутся наполненными Его присутствием.

Среди череды гор глаза сразу выделяют одну. Конечно, это Фавор, гора Преображения. Ее куполообразная форма, совершенные пропорции, пологие цветущие склоны вызывают ощущение гармонии и величавого покоя.

По контрасту с Фавором, гора Свержения, расположенная рядом с Назаретом, поражает своим крутым скалистым обрывом. С нее жители Назарета, возмущенные проповедью Иисуса, пытались низвергнуть Его.

Назарет, как и Вифлеем, встречает нас узкими улочками и шумными

торговцами. Однако в католическом храме Благовещения царит тишина. Возведенный над домом праведного Иосифа и Девы Марии, он подавляет своим масштабом, холодностью, обилием переходов и не соответствует моему внутреннему восприятию этого радостного Евангельского события. Осматриваем горницу Пречистой Девы, в которой Архангел Гавриил возвестил Ей о том, что Она станет матерью Спасителя. На бело-мраморном престоле надпись: «Здесь слово стало плотью». Спускаемся в небольшую пещерку, которую связывают с жизнью Иосифа и маленького Иисуса.

Находясь в Галилее, невозможно не остановиться у Иордана. Хотя экскурсовод и предупреждает, что для нас это чисто туристическое мероприятие, все спешат облачиться в белые рубашки и погрузиться в прохладную и удивительно мягкую воду этой святой реки, освежающую и восстанавливающую силы.

Автобус долго едет вдоль Геннисаретского озера, позволяя нам насладиться его красотой. Останавливаемся в Табгхе, в месте, связанном с чудом умножения хлебов. В 1982 на месте давно разрушенного византийского храма, но на его фундаменте, была возведена церковь насыщения хлебом. Главная ее достопримечательность — великолепно сохранившаяся мозаика, хорошо известная по многочисленным воспроизведениям: корзина, наполненная хлебом, и две рыбки по сторонам.

И снова автобус тяжело поднимается в гору. Теперь это гора Блаженств. Предполагают, что именно здесь Христос произнес свою нагорную проповедь, столь значимую для всех христиан. На вершине горы — подлинный райский сад. Среди сочной зелени и ярких цветов возвышается католический храм, посвященный заповедям Блаженства. С опоясывающей его открытой галереи открывается захватывающая дух панорама Геннисаретского озера и окружающих его гор. Душу наполняет чувство, действительно близкое к блаженству. Как жаль, что рядом со мной сейчас нет сестры!

«Книжники, конечно, не могли признать Христа, за ним пошли только обездоленные низы общества», — объясняет мне свою точку зрения зять, начитанный и думающий человек. — «Но и они могли слушать Христа только до тех пор, пока Он не стал называть себя Сыном Божиим. Это уже выходит за рамки здравого смысла и невозможно для иудейского сознания. Поэтому в Израиле христианство зашло в тупик и свое дальнейшее распространение получило только за его пределами».

Камень преткновения, не позволивший иудеям более двух тысяч лет назад выйти за рамки Ветхого Завета, остается на своем месте.

Моя последняя экскурсия — «Иерусалим христианский». В автобусе вновь встречаю Любу. В Старый город нас вводят через Яффские ворота. К великому сожалению (из-за обилия народа или по соображениям безопасности), сейчас не проводят по Крестному пути, по **Via Dolorosa, а узкими улочками** мусульманского квартала сразу ведут к храму Воскресения Христова. Площадь перед ним заполнена гудящей толпой. С большим трудом входим в храм. Первая святыня — камень Помзания — буквально облеплен припавшими к нему людьми, так что подойти невозможно. Кувуклию (мраморную часовню, возведенную над пещерой, в которой находится гробница Христа и где произошло его Воскресение) огигает огромная многоязычная очередь. Два с половиной часа, мелкими шажками продвигаемся ко входу в нее. Снова возникает мысль: сюда надо приезжать только с паломниками. Многочисленные руки протягивают пучки свеч, чтобы обжечь их Благодатным огнем. Временами возникает ощущение, что далеко не все осознают, где они находятся: люди громко разговаривают, сменяются, фотографируются с «голливудской» улыбкой у самого входа в Кувуклию.

На пребывание у гроба Христа дается буквально несколько секунд. Успеваешь только упасть на колени, приложиться к мраморной плите и мгновенно вознести Господу бессловесную молитву.

После такого переживания, да и из-за спешки и толчеи, посещение других часовен и приделов храма уже не воспринимается так остро. Сознание включается у Голгофы, где можно вновь опуститься на колени и прикоснуться к отверстию, обозначающему место основания Креста Спасителя. В заключение все же удается приложиться к камню Помзания.

На пути к автобусу возникает неожиданный разговор с Любой. «Как родственники относятся к Вашему обращению?» — задаю я столь животрепещущий для меня вопрос. «Они не понимают.» — отвечает Люба. — «Для меня Ветхий и Новый Заветы едины, а они не могут увидеть их связи. Евреям, живущим в России, легче принять Христа. Евреям, живущим в Израиле это почти невозможно».

Значит то, что происходит у меня, не частный случай. Разрыв кровных родственных связей и, что еще тяжелее, духовного единства, стал характерной чертой нашего времени.

В маршрут экскурсии включены основные традиционные христиан-

ские места Иерусалима. Посещаем монументальную базилику францисканцев, построенную на месте предания Спасителя Иудой и посвященную Его страданиям. С благоговением стоим у древних олив в Гефсиманском саду. Спускаемся в подземный храм Успения Пресвятой Девы. У ее гробницы поклоняемся Иерусалимской иконе Божьей Матери, почитаемой чудотворной.

Стена плача, конечно, не относится к христианским святыням, но как можно находясь в Иерусалиме не прикоснуться к ней? И нам дают на это прикосновение несколько минут.

В заключение поднимаемся на вершину горы Сион и приходим в Горницу Тайной Вечери. Символично, что мое путешествие по Святой Земле завершается именно здесь, где проходила последняя трапеза Христа с учениками, где было установлено таинство Евхаристии, откуда Иисус ушел на свои страдания и где в день Пятидесятницы Дух Святой в виде огненных языков сошел на апостолов.

Прощаемся с Любой. Встретимся ли мы также «случайно», как дважды встретились на Святой Земле?

«Ну, что ты решила? Ты переедешь к нам?» — спрашивает сестра в последний день перед моим отъездом. В душе у меня смятение и тревога. «Наставь меня, Господи, на путь Твой и буду ходить в истине Твоей» (Пс. 85,1). Да, я обрету родственников, которые, конечно, не оставят меня в старости; буду жить в этом светлом городе, где всегда тепло и так легко дышится, и можно каждый день гулять по берегу моря. Но не утрачу ли я чего-то более важного, того, что составляет суть и смысл моей жизни: храма, среды единомышленников, друзей, общение с которыми насчитывает не одно десятилетие? Не потеряю ли себя, устою ли в вере? «Если будет на это воля Божия», — отвечаю я и вижу полные удивления глаза сестры. «Ты веришь, что есть воля Божия о каждом человеке?» — «Да. Ведь солнце светит

над каждым человеком и в Израиле, и в России, и на Северном Полюсе».

Взлетающий самолет отрывает меня от Святой Земли. Благодарю Господа за чудо прикосновения к ней, за возможность воочию увидеть ее, подышать ее воздухом, насладиться ее красотой, напитать душу.

Я снова в храме Космы и Дамиана. Воскресная литургия. Проповедь отца Александра. Причастие. Лена подает мне теплоту.

На выходе из храма вижу объявление: «Паломническая поездка в Углич и Мышкин». Внезапно ощущаю острую необходимость проехать от пальм к березам, от Иерусалима до Углича, от Иордана на Волгу.

— Константин, пожалуйста, запишите меня!

Лия ЛЕПСКАЯ
Март-апрель 2008

КРАЙ «БУРЛАКОВ НА ВОЛГЕ» ИЛИ ПОЕЗДКА В УГЛИЧ И МЫШКИН

Прочитав в храме объявление о предстоящей поездке, я тут же загорелась желанием стать одним из сорока путешественников-энтузиастов: во-первых, я никогда до этого не была на Волге, а во-вторых, о паломнических турах знала лишь понаслышке. Именно это и побудило меня присоединиться к группе наших прихожан, желающих провести майские праздники вдали от московской суеты.

Итак, под остроумные комментарии Константина и интереснейшие познавательные рассказы Станислава об истории нашего пункта назначения автобус отправился в путь.

В поездке все было ново: и по-настоящему «широкие просторы», и домишки в старорусском стиле, которые уже давно вытеснены из крупных городов многоэтажными строениями, и непривычно огромное количество церквей и храмов, история которых насчитывает не одно столетие.

Пожалуй, одним из самых ярких впечатлений стала не прогулка по Угличскому Кремлю или набережной реки, а ночлег в Свято-Воскресенском мужском монастыре и трогательная забота о нас братьев, для которых мы стали нечастными, но зато очень дорогими гостями. Никогда прежде мне, да, думаю, и многим участникам нашего

тура, не приходилось спать на полу храма. Разве можно было после такой ночи встать не с той ноги?!

А утром нас ждали великие события. После службы, исповеди, причастия и освящения воды наша процессия отправилась на Крестный ход — отец Герасим не пожалел ведра воды на своих прихожан! Вот где она, истинная радость; когда батюшка окропляет тебя святой водицей, а вокруг все мокрые, счастливые и смеются, точно дети. После этого улыбка уже не сходила с моих уст до самого конца поездки.

Следующим пунктом нашего путешествия стал город Мышкин, расположенный в сорока километрах от древнего Углича. Там мы побывали не только в традиционных местах посещения туристов (Вечный огонь и Музей ремесел), но и заглянули в несправедливо забытые и практически игнорируемые гостями города Картинную галерею и Музей семейных коллекций. Тихая и неприметная — но только на первый взгляд — жизнь музейных хранителей скрывает бурную деятельность и активную борьбу за право существования их детища.

Кратко расскажу об авторе уникального проекта «Православный Мышкин» (он же Музей семейных коллекций). Сергей Васильевич Куров создал три

Автор этих заметок, Елена Гаврилюк — родом из Житомира, но пять лет жила в Москве, училась в Библейско-богословском институте св. апостола Андрея и посещала наш храм, поэтому считает себя его прихожанкой. Два последних года Елена стажировалась в Венеции и ведет занятия в воскресной школе православного прихода св. Николая в Милане, где служит священник Николай Макар (прежде он служил в Киеве, был проректором Киевской духовной семинарии). Приход о. Николая — многонациональный, но в основном прихожане — выходцы из стран бывшего Советского Союза: России, Украины, Молдавии. Оказавшись за границей — нередко вынужденно, ради заработков — русскоязычные люди ищут более привычную или хотя бы поддерживающую для себя среду и часто находят ее в местной православной церкви. Причем, многие из них в Церковь приходят именно там, на чужбине, когда трудно. И как хорошо, когда их встречают такие люди, как о. Николай или Лена, для которых каждый приходящий в храм человек бесконечно дорог и ценен. В этих заметках речь идет о детях. Но в миланском приходе действуют и богословские курсы для взрослых, устраиваются встречи для желающих возражать в вере.

КАК МЫ ШЛИ К ПАСХЕ. МИЛАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Мое знакомство с детьми прихода началось с маленькой Ребекки, с ее сольного танца со свечкой в опустевшем после богослужения храме, и я почувствовала, что дети здесь — дома. Впервые она придет в группу воскресной школы только несколько недель спустя, произнесет свое первое «Чао!», и даже станет «помощницей» Ангелинки в разрисовывании ее альбома для воскресной школы. А пока у нее своя жизнь в своем мире свечей и детских забот.

Слова Господа «пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им» проявляются здесь и в том, что батюшка отдал воскресной школе комнату священника, и в особой постоянной заботе о детях. Всем без исключения — здесь не бывает своих или чужих — предлагают вкусную еду после воскресной литургии, каждый раз происходит «одаривание» конфетами и благословение каждого...

Работая с детьми, каждый раз убеждаюсь — детям нужно доверять, они соучастники в нашем пути к Богу. Нужно только уметь прислушиваться к ним. Вспоминаю слова прекрасного педагога православной диаспоры Софии Куломзиной: «Для меня путем моей духовной жизни было мое общение с детьми».

В наших занятиях мы двигаемся по богослужебному годовичному кругу — вместе со всей Православной Церковью. «Кто хоть что-то понял из того, что сегодня читал батюшка во время литургии, о чем была проповедь... ну хоть одно слово?» — «Про какого-то брата, он, кажется, куда-то ушел, но куда и зачем, я не понял...» Постепенно дети начинают с большим вниманием относиться к тому, что происходит в храме, внимательнее прислушиваться к воскресному чтению.

неповторимых и уникальных выставочных залов: первый из них представляет огромное количество ценнейших вещей, найденных директором музея с помощью металлоискателя на берегу матушки Волги (возраст некоторых экспонатов насчитывает более тысячи лет!); во втором зале хранятся личные вещи известных мышкинских фамилий (начиная от школьных тетрадей и переписки и заканчивая коллекциями солдатиков и мебели) — средний возраст собранной по крупицам коллекции, хранящейся в этой комнате, — более ста лет. И, наконец, последний зал музея хранит и чтит память о непростой судьбе священников г. Мышкина первой трети XX века. Музей Сергея Васильевича — это, в первую очередь, музей настоящей веры, вечной памяти людей, которые так много сделали для своего родного города и его жителей, и, наконец, напоминание современникам, что судьба не только православного

Мышкина, но и православной России во многом зависит от нас!

На обратном пути мы приложились к мощам царевича Димитрия и радостные, но задумчивые отправились в Москву.

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что главным в этой замечательной поездке было не расширение кругозора, но возможность прикоснуться к атмосфере древности и духовности, а также знакомство с людьми, которые со всей преданностью души, невероятной отдачей служат избранному делу, будь то служение Господу или создание музея. Они — «бурлаки на Волге», которые ведут свой родной край вперед, в будущее, не забывая и о прошлом. У них есть одна, неопровержимая общая черта — непоколебимая вера в Христа и служение ему до конца.

Татьяна ИРИДЕКОВА

Опять вспоминаю Софию Куломзину, которая говорит о воскресной школе как притворе храма, который в свое время дети пройдут и пойдут дальше к полноценной церковной жизни. А пока мы говорим на немного другом, «детском богословском языке», исходя из детского же опыта.

А вот с языком в буквальном смысле у нас устроено так, что каждый раз приходится ожидать дара Пятидесятницы. Кто-то из детей говорит только на русском, кто-то только на украинском, кто-то только на молдавском, а кто-то уже и только на итальянском, а однажды пришла девочка из Румынии... Правда, не всегда весь этот разноязычный букет детишек собирается одновременно.

А еще разница в возрасте — от двух с половиной до шестнадцати. Как строить программу и занятия? Поначалу, как «учитель со стажем», пытаюсь устроить жизнь воскресной школы хоть сколько-нибудь «правильно», со временем смиряюсь с тем, что «правильно» — это не всегда так, как о том говорят образцовые программы или учебники по педагогике, хоть и православной. А уж тем более понятна жизнь здесь, когда не каждое воскресенье родителям удается прийти с детьми в храм, и потому состав группы каждый раз меняется. Вспоминаю день, когда, собравшись говорить о серьезном, я попросила «пойти погулять» мальшечку «от двух до пяти», они же, по заповеди «ступайте и откроют вам» опять и опять «вырисовывались» в дверях, дружно держась за руки и мило улыбаясь — молдаванка Ребекка, украинец Володька (он сам себя только так «величает») и россиянка Машенька. Зато несколько раз они нас щедро вознаграждали за наше долготерпение к нарушению ими всякого порядка, неожиданно отвечая на вопросы, на которые и старшие дети затруднялись ответить. А как можно представить наши Рождественские и Пасхальные выступления без Софийки и Магдалинки (7 и 5 лет)?

С другой стороны вижу в храме очень зрелых, осознанно приходящих сюда детей (и здесь, как это обычно бывает, много зависит от внимания со стороны родителей). Достаточно сказать о четырнадцатилетней Лауре или восемнадцатилетней Марии, самостоятельную приезжающей каждый раз из Лугано.

Еще труднее найти общий язык понятий и представлений, заложенных в каждой культуре по-своему, согласно ее неповторимому дару, пронесенному сквозь века. Ведь прикоснуться к национальной культуре, к той или иной церковной традиции — это значит видеть смыслы, заложенные в нем сознанием многих предшествующих

поколений. И, кроме того, я с самого начала против создания особого «православного культурного вакуума» для наших детей здесь, в Италии. Но это отдельная большая тема.

А пока — краткое описание того, как мы вместе, рисуя ступеньку за ступенькой (то есть, обозначая пройденные темы-недели) на нашей доске в комнате для занятий воскресной школы, поднимались к Пасхе, тайне Воскресения Христова, тайне любви Бога к человеку.

Неделя о мытаре и фарисее

Дети легко справляются с заданием распределить под рисунками с образами фарисея и мытаря карточки со словами «самодовольный», «кроткий», «надеется на свои заслуги», «вся надежда на Бога», «просит справедливости», «просит милости», «боится нарушить закон», «боится потерять Бога»... И каждый раз возникают различные мнения по поводу того, под каким изображением положить карточки «праведный», «неправедный». В этом и заключен смысл проблемы, поставленной в притче, и для меня важнее вызвать ее обсуждение, чем дать однозначный ответ.

А что значит «кроткий»? Это значит, как объяснил один умный папа, что человек находится «коротко», близко к Богу. Или как подсказывает нам Марийка (3 года!): «Значит смиренный». И я подхватываю: «С-миренный» — примирившийся с Богом.

Неделя о блудном сыне

Ваня и Оля (7 и 5 лет) сегодня в центре внимания, мои главные помощники — проходили уже эту тему дома с мамой.

— Так эта притча похожа на предыдущую! — замечает кто-то из детей.

Миша, Володя, Ангелина и я выстраиваем общую картину, дополняя друг друга, несколько сумбурно, но «по делу», вспоминая и прошлое занятие:

— Мне мытарь больше понравился.

— Мне тоже.

— Просто Бог хочет сказать, что есть два типа людей в мире — есть правильные, но которые не могут простить согрешившего брата, а есть грешники, которым очень нужна помощь Бога.

— А кто ушел оправданным?

— Оба. Только мытарь — больше, а фарисей меньше. Фарисей же не просил помиловать его, он считал себя праведным и без Бога. Кто сколько просил...

— А старший брат закрылся в своей комнате и не хотел идти со всеми праздновать и радоваться, когда нашелся младший брат. Конечно, ему обидно,

он все время работал, а тот гулял. И деньги отцовские растратил...

— Но все равно отец и того и другого любит, он по-другому не может. А они не могут принять друг друга.

Рассматриваем картину Рембрандта «Возвращение блудного сына». Открываем «тайный замысел» художника — в образе блудного сына он нарисовал себя самого, а также каждого из нас. И еще то, что возвратившийся к отцу коленопреклоненный сын у Рембрандта похож на нас, когда мы так же стоим на коленях, совершая таинство исповеди.

«И говорил им притчами...». Здесь как раз уместно сказать о жанре притчи — общечеловеческой истине, рассказанной простыми словами. Будто это произошло с человечеством в целом, и с каждым из нас в отдельности.

Раскрываем смысл слов «долготерпение», русского «заблуждаться», украинского «блукати», а также слов «прощать», «прощаться».

Говорим об одной из самых коротких, но многозначительных церковных молитв — молитве мытаря «Господи, милостив буди мне грешному!»

Неделя о Страшном суде

В чем же состоит Суд? Как выяснилось, у детей уже есть некоторое представление о том, как наши плохие и добрые дела в Судный день будут взвешиваться на весах.

Но весть сегодняшнего дня, этой притчи — несколько о другом. Ангелинка со мной согласна: «Там дуже цікаво було, та трохи не так, як на малюнках про страшний суд!». А потом под своим рисунком она попросит меня написать: «Ангел судив людей... Були такі люди як овечки. Бог їх полюбив, Він сказав: «Коли не було мені їсти, ви мені дали, коли я був у тюрмі, ви мене відвідали, коли я був без одяжки, ви мене одягли». А вони не зрозуміли, питають: «Коли ми тебе бачили?» Бо не знали, що якщо роблять людині бідній — роблять Богові. А були люди погані. Вони не знали, що Бог перетворився у людину бідну і не помогли».

Неделя об изгнании Адама из рая

Здесь важно дать понятие о разнице между покаянием и самооправданием с осуждением другого. Дети хорошо поняли эту разницу — Ева валит на змея, Адам валит на Еву и говорит: «Это она мне сказала». А блудный сын говорит: «Отче, я согрешил перед небом и пред тобою...».

Неделя Торжества православия

Трудная тема для детей, стоит ли ее брать, может что-то попроще?.. Но сколько драгоценных открытий мы сделали!

«Как представляли Бога в Ветхозаветные времена?» — «В образе быка,

камня...». «Вогонь» — выдает между каким-то своим детским делом наш Володька (3 года), оставляя нас с раскрытыми от удивления ртами.

Но Бог запретил изображать Его. И только когда пришел в мир Сын Божий, мы увидели Его Лик, который и запечатлеваем на иконах. Потому что Сам Господь Иисус Христос сказал: «Видевший Меня, видел Отца». Победу «Торжества православия» — окончательно закрепленную церковным догматом тайну Богочеловечества — праздновали в 843 году православные на VII Вселенском соборе. Отстояв при этом возможность изображать лик Божий на иконах.

«Что необычного сегодня происходило в храме?» — «Мій тато давав людям образи, люди тримали, батюшки читали молитви і сказали, щоб всі пішли, щоб показати людям, даже тим, що не вірять, що Бог їе». И Ангелина нарисует к следующему разу именно этот момент: людей или даже просто протянутые руки, показывающие миру лики Господа или святых на иконах.

Не могу понять, почему Зоряна (13 лет) как итог к уроку нарисовала Рождество. «Похоже, нарисовала то единственное, что знала и видела когда-то в Церкви. И совсем не по теме сегодняшней. Ну ладно, пусть хоть так...» Догадываюсь уже дома, еще раз просматривая рисунки и анализируя подписи к ее картинке «Коли прийшов Ісус Христос». Какая я непонятливая. Люди смогли увидеть лик Воплотившегося Бога именно с момента Рождества!

Даю первое представление о том, чем икона отличается от картины, портрета: на иконе изображен и невидимый мир, ангелы например; а образ святого не всегда может быть похож на его точный портрет, потому что изображается его лик перед Богом, его внутренний мир; золотой фон означает, что человек уже пребывает в славе Божьей...

И здесь же первое представление о святости, о человеке целом, цело-мудренном, человеке, уподобившемся Господу. Лик и личина. Для контраста пробуем примерять маски. Дети брезгливо смеются, а, значит, чувствуют неестественность маски, которая скрывает под собой настоящее, обманывает. Это и есть «лице-мерие».

Смотрим фотографии разных людей, определяя те дары-лучики Божественного, которые заложены в каждом человеке. «Этот мудрый, этот добрый и немножко грустный, этот человек радостный и любит всех людей», — говорят дети. «А как бы мы почувствовали и узнали, какой Бог, если бы не встречали в нашей жизни людей, которые любят

и заботятся о нас, начиная с мамы, папы, друга?..»

Румынская девочка Инна (13 лет) удивительно глубоко поняла главное, она отважилась нарисовать знакомого ей человека, который своей жизнью похож на Иисуса Христа, и все мы чем-то похожи на Иисуса Христа... Он всегда с нами, даже когда мы одиноки, мы знаем, что мы с Ним. Мы созданы, чтобы быть счастливыми и быть как одна семья...», — перевод ее текста на итальянском языке под рисунком.

А батюшка сегодня рассказывает о Фаворском свете, о свете Божьем в нас, о божественных энергиях в человеке, о борьбе со страстями, о внутреннем внимании и тишине сердца.

Крестопоклонная и последующие недели, когда мы говорили о Крестном пути Господа

Последние недели перед Пасхой, приближаемся к тайне Креста, опять малодушествую — поймут ли дети, как им рассказать об этом, они ведь любят, чтобы я придумывала что-то интересное к уроку... Вовремя вспоминаю рассказ митрополита Сурожского Антония о его первой встрече с Воскресшим Христом. В свои 14 лет он взялся читать Евангелие от Марка, потому что оно самое короткое и простое, где евангелист останавливается только на самом для него важном. И это был именно тот рассказ, который сумел запасть в сердце подростка. Ну что ж, попробуем читать «Страсти по Марку» прямо по тексту **Евангелия**. Предварительно говорю о том, какие отношения были у Господа с Его учениками — «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями...»

А как это воспримет Вова (11 лет), который обычно пытается посмеяться над всем? Сегодня впервые вижу его таким, вжавшимся в стул и внимательно следящим за описываемыми событиями. Его рисунок — о том, как Петр бросился на защиту Господа, выхватил меч и отрубил ухо воину, пришедшему схватить Его. «Да я бы! Да за такого Человека!..» — будто говорит он, и этот порыв защитить вполне понятен. «Вы не поняли, — говорит нам сегодня Господь, как и много столетий тому назад Петру — Царство Мое не от мира сего».

«Отче, пронеси эту чашу мимо меня, если можно. Но не как я хочу, а как Ты...» — это рисунок Миши. «Не получилось», — смущаясь, говорит он, протягивая мне лист. «Нет, Миша, такие глаза, обращенные к небу, не каждый художник нари-

сует...» Вспоминаю, как жалела о том, что Миша сказал, что не будет ходить на воскресную школу, так как записался на футбол. Но он остался, и с какой благодарностью я воспринимаю в начале занятия его слова «Що Вам допомогти?».

«Что-то напоминает вам Последняя вечеря Господа с учениками?» — «Таинство Евхаристии».

Знакомство с молитвой «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Разбираем смысл и значение крестного знамения.

Таким образом, каждое воскресенье становится ступенькой к нашему пониманию Пасхальной тайны. Дивная православная традиция, помогающая благодаря построению церковного года подняться, приблизиться к этой тайне. Уже в самой этой тематической последовательности заложено Учение Церкви, из которого не устает черпать спасительный смысл:

— заблудшая овца, которую Сам Добрый Пастырь идет искать и возвращает ее, неся на своих плечах;

— мытарь и фарисей, о которых хочется сказать: «Вот если бы в одном человеке было и внешнее исполнение закона, и смиренное предстояние перед Богом!»

— два брата, Отец которых хочет, чтобы они наконец-то увидели друг друга;

— образ Страшного суда, где Господь подчеркивает, что именно по нашему отношению друг к другу видно, как мы относимся к Богу;

— образ Адама и Евы, пытающихся переложить вину друг на друга;

— праздник Торжества Православия, установленный Церковью и подчеркивающий, что в каждом человеке есть Божественное начало и «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» — как определяли смысл спасения некоторые Отцы Церкви;

— и, наконец, тайна Креста, высшая точка и образ любви Бога к человеку;

И опять же призыв: подражая в этом Господу «несите бремена друг друга». Как сказал один мальчик: «Этими рассказами Евангелие будто «переводит наш взгляд друг на друга»».

Через познание умом и сердцем истин Христовых, учась открывать ему наши сердца, мы вместе со всей Церковью, как блудные дети, возвращаемся в дом Своего Отца. Господь Своим Воскресением показал путь, и этот путь — Он Сам. Воскресший Христос проявляет свое неотступное пребывание в нашем мире через возлюбивших Его.

Господи, воскреси и нас Своєю любовью!

ПОКА МЫ НАДЕЕМСЯ, МЫ ЖИВЕМ

Спектакль, который в этом году привозил в Москву детский христианский театр «Тимур» из Харькова, назывался «Зеленое знамя надежды. Страницы жизни и бессмертия Януша Корчака». Пьеса написана Аллой Калмыковой, прихожанкой нашего храма. В двух словах: спектакль о том, как детский дом, организованный Янушом Корчаком, был отправлен фашистами в гетто, потому что в нем было большинство детей евреи, а потом и вовсе уничтожен. Самому Корчаку немцы разрешили покинуть город, поскольку он был всемирно известным. Но он предпочел разделить смерть с детьми, чем жить без них. Тема Холокоста, прямо скажем, не детская. Тем не менее, все роли в пьесе сыграли дети, за исключением главного героя, которого играет взрослый — Антон Свирский (когда-то начинавший в «Тимуре» и ставший профессиональным актером). И то, что дети играют серьезно, с полной отдачей и пониманием всей глубины трагедии, удивляет и покоряет зрителя.

Спектакль играли дважды — на сцене Театрального центра на Страстном бульваре и в Украинском культурном центре на Арбате. Обе площадки серьезные и ответственные. И «Тимур» не выглядел на них как провинциальный и самодеятельный театр. Напротив, полтора часа юные актеры держали зрительный зал в напряжении. Все с неотрывным вниманием смотрели, как на сцене — нет, не играли, а жили — дети, радуясь жизни и учась у своего мудрого учителя понимать и принимать ее, а потом ужасаясь смерти и преодолевая страх перед ней. И когда в финале появляется образ рая, зрители уже не сдерживают слез, потому что это не «хэппи энд», а та надежда, которая, по слову апостола, «не постыжает». Именно надежда помогает не умереть и не бояться смерти, не смириться со злом, с тьмой, с неправдой. Пока мы надеемся, мы живем.

Перед спектаклем художественный руководитель театра Василий

Евгеньевич Сидин, обращаясь к зрителям, говорил, как театр искал такую тему, как решился на нее. Он даже просил по возможности не аплодировать, потому что для детей-актеров это не игра, а трудное прохождение через испытание. Конечно, по инерции зрители хлопали в финале. Но на самом деле аплодировать действительно не хотелось. И не потому, что не понравилось, это не то слово. А потому, что трудно хлопать, когда стоит ком в горле, и ты понимаешь, что это не выдумки, что это реальная история Варшавского доктора, очень любившего детей, и реальная история еврейских детей, которых очень не любили взрослые.

А разве мы сегодня любим детей? — обращался к зрителям перед спектаклем В. Е. Сидин. — Так почему на наших улицах столько беспризорных брошенных детей, и детские дома переполнены сиротами при живых родителях? У нас нет концлагерей, но у нас все опутано колючей проволокой равнодушия. Детей не посылают в газовую камеру, но разве детские дома — не гетто? Среди благополучного и сытого сегодняшнего мира тысячи детей страдают от равнодушия взрослых.

Один спектакль «Тимур» играл в приемнике для малолетних преступников. Такая традиция сложилась, что именно туда в первую очередь идут «тимуровцы», приехав в Москву. Юные актеры хотят достучаться до сердец своих сверстников, оказавшихся в неблагоприятной ситуации. И кто знает, как отзовется этот чистый порыв. Во всяком случае, каждый раз реакция зрителей превосходит все ожидания — между зрительным залом и сценой возникает какая-то магическая связь, полное взаимопонимание, просто кажется, что натянуты нити, по которым идет электрический ток. И хочется надеяться, что и здесь надежда не подведет. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Но когда сердца маленького существа, уже узнавшего темные

стороны жизни, достигает волшебная сила искусства, происходит его хотя бы частичное исцеление. О полном исцелении этих израненных душ будут молиться юные актеры харьковского театра, потому что это театр христианский, и все здесь понимают, что перед театром стоит задача не только эстетическая. Театр существует как община, в которой все вместе живут со Христом, сочетая труд, творчество и молитву.

В этом помогает театру о. Александр Мень. Это имя не только почитают юные актеры и руководитель «Тимура» Василий Сидин, харьковчане считают о. Александра своим духовным отцом. Каждый свой приезд «тимуровцы» обязательно бывают в Новой Деревне, на могиле батюшки, и в Семхозе, на месте его гибели. В культурном центре «Дубрава» они играли спектакль для местных детей. И этот спектакль харьковчане воспринимают как творческий отчет перед о. Александром Менем. Затем они посетили Троице-Сергиеву Лавру, прикоснулись к древним православным святыням, ведь для многих детей театра это редкая возможность приехать из Украины в Россию, а некоторые и вообще впервые в Москве. Так что гастроли включают в себя и паломничество.

Обычно дети живут в домах прихожан храма. И каждый раз у организаторов волнение — хватит ли всем места, достаточно ли людей откликнутся на призыв приютить у себя на несколько дней харьковских детей, а среди них есть и совсем маленькие, и даже инвалиды. В этом году их было особенно много — более сорока человек. Но, слава Богу, всем хватило места. Уезжали дети переполненные впечатлениями и благодарностью — настоятелю нашего храма о. Александру Борисову, прихожанам, зрителям, новым и старым друзьям.

И мы говорим спасибо театру «Тимур» за то, что дарит он нам так искренне и так щедро свое творчество, свой духовный оптимизм, свой свет и свою любовь. Будем жить надеждой на новую встречу с харьковским театром в следующем году.

Валентина БЕЛКИНА

Зашел у меня разговор с одним соловецким монахом. Об устройстве **мира, Богом сотворенного**. И тут я высказал то, что давно меня занимает. Библия повествует, что в день шестой создал Бог человека по образу Своему и по подобию Своему, а в день седьмой почил от трудов Своих... Из этого следует, что человек был конечной целью Творения, Его Венцом.

С другой стороны, ученые доказали (или полагают доказанным), — что размеры Вселенной определяются невообразимыми величинами, и состоит она из неисчислимо — не просто звезд, — звездных систем, даже галактик. Каждая из них в свою очередь — множество звездных систем.

Не вяжется. Зачем Венцу Творенья небесные объекты, абсолютно для него не достигаемые и за удаленностью своею не могущие ощутимо влиять на его жизнь. Либо ученые ошибаются, либо мистифицируют нас. Если же они правы, я готов допустить, что фантасты, угадавшие многонаселенность Вселенной, близки к истине. Размышляю об этом давно, но без сколь-нибудь внятного вывода.

Мой собеседник дал мне книгу о. Павла Флоренского «Мнимости в геометрии». Автор математически доказывает в ней истинность Птолемеевой геоцентрической системы. Разобраться в математике мне оказалось не по знаниям, и я просто принял к сведению, что идеи Птолемея не забыты.

Хотя представить себе, что Творец ограничился нашей Солнечной системой, мне не под силу, мысль о геоцентричности **мироздания не вызывает** у меня ни малейшего протеста. Солнце ли с планетами вращается вокруг неподвижной Земли, или Земля с планетами вокруг Солнца — мое восхищение Творцом и результатами Его Работы беспредельно.

Опровергать о. Павла, великого ученого-энциклопедиста масштаба Ломоносова и Вернадского, — дерзости не хватит. Равно, как и, ссылаясь на букву Библии, — ученых астрономов. Голова крэгом и — носом в тупик. И снова — без Бога я ничто. Одноклеточная амёба по сравнению со мною — Сократ. На ночь к обычным молитвам — краткая просьба: вразуми, Господи! Ты знаешь, о чем я...

...Сон привиделся столь явственным, что и во сне я не был уверен, сон ли это. Но если не сон, то, что же?..

И послышался голос. Ни на что не похожий. Ближе всего было бы определить его как «неземной», но истёртые частым употреблением слова ничего не скажут. И чувствовалось, голос тот был наполнен любовью. Ко мне. Лично. Голос возвещал:

— Сын Мой, ты, конечно же, не первый задумался о тайнах **Миро**зда-

ния. Из тех, кого ты знаешь — Галилей и Ломоносов. Но они пытались установить истину чисто научными методами, не обращая ко Мне, и остались без Моей помощи. Ты сразу смиренно признал свое бессилие что-либо понять без Меня, и Я тебе кое-что приоткрою.

Человек был сотворен Мною по образу Моему и по подобию Моему, да властвует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею,...

человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку... Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть...

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал

Константин СЕМЕНОВ

У БОГА ОБИТЕЛЕЙ МНОГО... (ДЕНЬ ОСЬМЫЙ...)

*Уста премудрых нам глаголют:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.*

Михайло Ломоносов.

— как сказано в первой главе Книги Бытия. Это было конечной целью Моего творчества. Я понимал, что давать человеку свободу — иначе он не был бы Моим Образом и Подобием — неизбежный риск. Первая попытка закончилась — вы, люди, сказали бы, — неудачей...

Но у Меня — много обителей, это вы, человеки, верно угадали. Я тебе покажу некоторые. Если же ты станешь рассказывать о них, тебя, скорее всего, сочтут сумасшедшим. А не рассказывать — у тебя вряд ли получится. Ты готов?

— Только надеясь на Тебя, Господи...

— Тогда смотри...

Всё начиналось так, как и на твоей Земле, как это описано в Библии...

Итак, Творение, День Шестый...

Обитель первая

...И сотворил Бог человека по образу Своему и по подобию Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла... И заповедал Господь Бог

Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена: плоды с дерева мы можем есть, только плодов дерева, которое посередине рая, сказал Бог, не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания.

И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся человек и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к человеку и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? не ели ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Человек сказал: жена, которую Ты мне дал, она мне дала от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела. (Быт. 1.27 — 3.13).

И дальнейшие события в этой обители развивались в полном соответствии с нашим Ветхим заветом. До того момента, как сказал брат брату

своему: пойдём в поле. Они вышли в поле, и восстал брат земледелец на брата своего скотовода и убил его, но — сам напоролся на пастушеский шест брата, и упали оба, и кровь их, лиясь на землю, смешалась. И раздался злобно-торжествующий сатанинский хохот, который тут же сменился воплем страха и ненависти. То архангел Михаил своим огненным мечем низверг в преисподнюю врага Божия, подстроившего только что случившуюся трагедию...

На том прекратился род человеческий в обители сей, и стала она вместилищем мрака и именно сюда ввергаемы души нераскаянных грешников...

Не успела кровь в жилах моих застыть от ужаса увиденного, Милосердый Господь закрыл видение...

Утром я молился несвойственно мне долго. Молился с благодарностью, с любовью и со смятением, не зная, как расценивать увиденное: как некое откровение или как душеопасные химеры. Поэтому дольше всего я просил Господа о вразумлении.

Следующей ночью я долго не решался лечь спать. Но потом всё же кратко помолвился и...

— Ну, что?.. — прошелестело мне знакомым легким дуновением ветра.

— Душа моя в смущении. Не знаю, как относиться ко всему, увиденному во сне.

— Иными словами, ты думаешь, такие ясные видения могут быть твоей фантазией? Не переоценила ли ты себя? Или, может быть, тебе враг Мой всё это показал?

— Прости, Господь мой и Бог, меня и мое маловерие.

— Я — Бог твой, и Я тебя прощаю. Показывать тебе то, как это происходило во второй Моей обители, где ты живешь — вы, человеки, называете ее Землей, — Я не стану. Всё сказано в Библии. Ты читал, не раз, и для человека твоих способностей, не изучавшего специально Слово Мое, основное понял. Насколько это вообще доступно человеку. А теперь — хочешь посмотреть, как развивались события дальше, в день осьмый?

— Мне ли не хотеть того, что Ты мне предлагаешь, Господи?..

— Все бы так, и всегда бы так... Смотри же...

Обитель третья

И здесь всё начиналось, как описано в Библии. Эту часть творения Господь Бог показал отрывками. Сотворение человека по образу и подобию Божию... Насаждение рая и поселение там человека... Произражение всякого дерева, приятного на вид и хорошего для пищи, дерева жизни посреди рая, и дерева познания добра и зла... Запрет человеку Господом Богом есть от дерева познания добра и зла...

Создание Господом Богом жены из ребра человека... Соблазнение жены змеем... Призыв Господа Бога к мужу и вопрос: где ты?.. Ответ: «голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся»... Вопрос Бога: «кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?»...

...Последовало долгое молчание. Видно, муж осознал, что произошло, и боролся с самим собой. Одно его Я шептало перевести вину на жену. Второе Я, преисполненное любовью к Отцу и раскаянием, знало, как надо поступить и — победило. Кусты раздались. Муж вышел, в опояске, с опущенной головой. Приблизившись к Отцу, поднял голову. С трудом далось ему первое слово, слово покаяния.

— Да, Авва... Я... ел плод с дерева... Я виноват... Делай со мною, что почтешь нужным, если нет Тебе возможности меня простить. Мне же стыдно просить у Тебя прощения, хотя я очень хочу быть прощенным...

— Но ты же не сам сорвал плод. Жена твоя сорвала и дала тебе.

— Да, Авва, это так, но виноват — я. Она — слабая женщина. Ей трудно устоять против хитрых соблазнов змеевых. Ты Сам говорил, что я глава семьи, значит и вина моя. Со мною поступай, по воле Твоей, а жену мою, моллю Тебя, не наказуй...

— Я прощаю тебя, сын мой и друг мой. Ты поступил, как подобает мужчине, каким Я его замыслил. Ты достоин быть главой семьи и ее защитником...

Я смотрел всю эту сцену и не замечал слез на моих щеках... И по тихому голосу моего Проводника и Комментатора происходящего, было ясно, что Он Сам был тронут, снова увидев произошедшее некогда...

— Как ты видишь, этот Мой опыт по созданию обители оказался более успешным, и Я решил не прекращать попыток. Осьмый день продолжался. Если ты готов, Я могу показать тебе следующую Мою обитель.

— С радостью повинуюсь Тебе, Господи.

— М-да... Не могу не повторить — все бы так и всегда бы так. Смотри же...

Обитель четвертая

И в этой обители всё происходило, как в прежде показанных мне, то есть, по описанному в Ветхом Завете до слов змея: «вы будете, как боги, знающие добро и зло». Так же, как и в нашей, земной, истории и в той, что я уже видел во сне. Но здесь жена оказалась более решительной:

— Значит, по-твоему, Отец, сотворивший мужа моего и меня, мог сказать не то, что есть? — слова

«ложь» она не знала. — Ползи отсюда! Не то я...

— Не то ты что? — голосом, в котором не было любви и добра, прошипел змей.

Она схватила камень. Тут же шелестом ветра — голос Отца: «Положи камень. Я Сам запрещаю ему общаться с тобою». После этих слов змей мгновенно исчез, жена не уследила, как. Совершив убийство, она бы познала зло, в этой обители поселилась бы смерть, и ее пути, скорее всего, были бы подобны нашим, подумал я.

— Ты прав... — услышал Я в уже знакомом шелесте ветра. Или мне послышалось?..

Из задумчивости меня вывел голос Господа:

— Если хочешь, в следующий раз Я тебе покажу кое-что еще...

— Господи, молю Тебя, не говори этих страшных слов «если хочешь»! Мне ли не хотеть исходящего от Тебя?!

— Ну-ну, не горячись... Не всегда так было и не всегда так будет в твоей жизни.

Обитель пятая

В нетерпении я гнал, торопил часы дня и был наказан. Ни в эту ночь, ни в последующие — ничего. Я уже почти потерял надежду, пока, наконец...

Ускоренно то, что происходило в уже показанных обителях. Судя по всему, успешную часть Творения Бог повторял.

...«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз...» и — потянулась, было, к низко висящему плоду...

Я видел, как всё это происходит, не находил себе места от волнения и хотел уже, было, но услышал предостерегающее: «не вмешивайся в ход истории, которая уже свершилась». Тут рука жены замерла, она повернулась к змею.

— Отец не разрешил мне его есть.

— Хе, отец! Ты уже взрослая. Пора самой знать, что можно, чего нельзя.

— Ты прав, я *должна* знать, чего нельзя. И знаю. Нельзя нарушать запреты Отца. И Отца я знаю. Он любит меня и моего мужа и повелителя и доверяет нам. А тебя я вижу впервые. Почему я должна слушать тебя, а не Его?

— Но ты же...

— Оставь меня, — и, так уж само получилось: жена собрала большой, указательный и средний пальцы правой руки в щепоть, а безымянный и мизинец прижала к ладони и сделала над змеем такие движения: сверху вниз, потом слева направо, в каждой крайней точке, как бы клонув змея. Пресмыкающееся завертелось, словно облитое кипятком, зашипело и начало судорожно втискиваться в узкую щель

между камнями. Здесь жена — не познала зла.

Я с облегчением шумно выдохнул, и тут же услышал тихий смех.

— Ты переживал. А каково было Мне, тогда, многие-многие годы вашей земной жизни тому назад?! Впрочем, даже теперь, зная, что и как было, наблюдая с тобою, Я не смог полностью совладать с волнением.

— Господи! Я вижу, мне выпало появиться на свет там, где человек оказался самым грешным...

— До чего вы, сыны Мои земные, скоры на легкое слово. Ты видишь!.. Сколько самонадеянности. Молчи и не оправдывайся, Я не всё сказал...

У Меня обитателей много, и отмеренных Мною тебе ночей жизни не хватит посмотреть все.

— И сколько же их у Тебя, Господи?

— Много будешь знать — скоро состаришься, как лжет ваша пословица. Ваша система счисления слабовата. Давай-ка, Я покажу тебе краешком Мои Обители...

Все, что было показано мне дальше, я видел как бы несколько сверху...

...Разнотравье и разноцветье луга, несколько деревьев. За ними озеро. Вдур мимо меня стремглав — хохочущий мальчуган, лет шести-семи. Следом, игриво-грациозными скачками нарядно-полосатая кошка, ростом с тигра. Я — в ужасе, а мальчишка с разбега — в воду, зверь за ним. Радостный визг, громкое нежное мяуканье, нырялки-догонялки... Парочка на берегу. Зверь отряхнулся, расслабился в теньке на душистой мураве, мальчишка рядом. Одна мохнатая лапа ему под голову, вторая прикрыла. Чуть-чуть повернуться на спину, и — маленький дружок на шерстяной перинке брюха. Видно, котяра рассказывал что-то забавное: его... пасть? рот? — не знаю, как точнее, — улыбкой, а мальчишка нет-нет, и — ха-ха-ха! Пошептались, побегали, снова поплавали, потом человек ловко, даже не вскарабкался, а как бы взбежал на дерево, сорвал и побросал на землю несколько плодов, похожих на кокосовые орехи, спрыгнул вниз. Зверь, встав на задние лапы, поймал его, приобнял, что-то похожее на наше — поцеловал. Потом когтями содрал с орехов войлок оболочки. Тут же несколько птичек. Сели на плечи зверя, стали что-то ему вычирикивать. Он выслушал их со всем вниманием, распушил-расчесал когтями войлок, птахи тут же унесли его, а котяра с треском разгрыз орехи. Друзья уселись в обнимку и принялись за трапезу. Остатки кот, размяв, стал бросать в воду, где их подхватывали выскакивающие рыбы.

Вниз по реке лодка. На носу лоцманом бобр, смотрит вперед и подает голосом, чаще жестами, команду паре

гребцов-горилл. В ладье я увидел огромного паука с множеством вытаращенных в разные стороны глаз, собачонку, спящую клубочком, и черепаху — вытянутая вверх голова вертится туда-сюда, не пропустить бы чего интересного. На корме — груз. Здесь и далее названы животные, напоминающие наши.

Опушка леса. На низких толстых ветвях детеныши: человеческие и других самых разных видов. В центре щегол. Нескольким раз выпевает одну и ту же мелодию. Лапкой показывает на кого-нибудь, тот повторяет. Если не точно, птица снова поет.

Поблизости на широченной шляпке гриба многоножка. Птица-секретарь клювом перебирает ее ножки, демонстрируя четыре действия арифметики. Рядом компания ужей по просьбе учителя складывается в геометрические фигуры.

Поле. Шеренга вепрей. Пятачками величиной с лошадиное копыто вспахивают идеально ровную борозду. За каждым — кенгуру. Вынимают из сумки по семечку, укладывают, хвостом засыпают посев. Продолговатая туча-лейка. Из-над водоема, что белесо голубеет на горизонте, цепочка облачков — плывут к ней, заправляют...

...Затемнение. Снова светло. Я без обуви. Коленопреклоненный, как бы парящий в пространстве. Вокруг — нечто, неясного образа. На душе... Любое слово будет неточным. Тихая радость... Благодать... Умиротворение и любовь... Всё не то, всё бледно, беспомощно... Голос:

— Ты сам понимаешь, Я показал тебе ничтожную часть Моего необозримого мира, наиболее близкую твоему восприятию. Но некоторое представление о законах, принятых здесь, ты получил, надеюсь.

— У Исаяи сказано: лев ляжет рядом с ягненком, а ребенок будет играть со змеей, и она его не ужалит...

— В общем, верно... Ты бы хотел сюда?

— Господи, зачем спрашиваешь? Разве можно сюда — не хотеть?

— Не горячись... К Моей боли на Земле много ненавидящих Мои сады. Но даже тем, кто стремится, трудно попасть сюда. Свободно чувствуют себя здесь родившиеся в тех Моих обителях, где греха изначально нет. Лишь немногие из ваших праведников могут благоденствовать в Моих кущах. И не потому, что Я слишком придирчив.

Беда в том, что все вы, рожденные на Земле, даже в самых верующих в Меня и Меняобязанных семьях, живущие Церковью, ушедшие из мира в монастыри или пэстыни, — больны грехом. Им пропитаны ваше созна-

ние, подсознание, язык. Даже если речь идет об исцелении, милосердии. В Моих обителях не умирают и не болеют. Я уже не говорю о той части вашего словаря, где говорится о войнах, преступности... Здесь нет места даже таким необходимым вам книгам, как Священное писание. Оно учит не грешить, а в Моих обителях такого понятия не существует, и Я не хочу, чтобы оно появилось, чтобы человек раскаявшийся, поборовший грех, пусть даже случайно, внес хотя бы одно слово из словаря греха. Кроме того, вам, большинству, скучна и пресна жизнь безоблачная, без боли и горя, которых не знают Мои обители. И для них Страшного Суда не будет.

В Моих обителях единый язык. Тот, который Я дал Адаму и был вынужден отнять из-за затей с Вавилонской башней. Мой язык понимает всякая Мною созданная тварь. Он неизмеримо богаче того, на каком общаются твои одноземляне, даже если собрать все языки, наречия и гуворы, у вас существующие. Но в Моем языке нет ни одного слова, так или иначе связанного с грехом. И ваш даже самый светлый праведник должен долго изучать Мой язык, чтобы его понимать, и еще дольше, чтобы заговорить на нем. Не меньше нужно времени и усилий, Моих и его, чтобы очистить его душу от знания о существовании греха. Бережно и неспешно, чтобы личность не утратила ничего святого. Но в Моих обителях нет смерти, и у тех, кто сюда попадает, есть время овладеть языком рая...

— Господи! Ты Сам только что сказал, все мы поражены грехом. Иную душу если очистить — что останется?!

— Трагический вопрос... Но! Опытный виноградарь, освободив лозу от засохших либо загнивших побегов, не вырастит ли полноценный куст из крохотного черенка-остатка, и — не течет ли порою из самого гнилого болота чистый родничок?.. Однако, Я продолжу...

Все вы, за редким исключением — язычники. Даже те из вас, кто крестились во имя Моего Сына, говорят, что любят Нас и только Нас и поклоняются только Нам, ухитряются сделать идола из всего. Постарайся вместить Мои слова.

Земля — уникальное в своем роде место. Вы полагаете, что для Нас *самое* важное — это точное соблюдение придуманных вами обрядов. Для вас язык, на котором вы Нам служите; календарь, по которому вы живете; количество и порядок последования читаемых вами молитв и их длина — играют *неоправданно* большую роль.

У вас сотни икон Той, кого Мы называем Мамой, и целая наука к какой иконе при какой нужде обращаться.

Вольно или невольно происходит подмена — доходящее до поклонения почитание *самуй* иконы, а не Той, кому она посвящена. Некоторые ваши «старцы» учат сложнейшим молитвенным правилам: сколько каких молитв читать, сколько делать поклонов... До Нас ли тут? Всё внимание — на то, чтобы не сбиться в арифметике. Сын Мой говорит о предпочтениях, вы выбираете — отказ. Мы учим избегать блуда, вы полагаете подвигом, Нам угодным, отказ от брачной жизни. Учим не празднословить, вы принимаете обет молчания. Призываем не чревоугодничать, вы переходите на сухой хлеб и воду. Вы не понимаете, что иногда мимоходом полакомиться, не делая из этого события, — меньше греха, чем постничать, возводя это в подвиг. Вы считаете добродетелью убить в себе способность радоваться тварному *миру*: *солнечному свету*, аромату цветов, сочной сладости плода, ласке ребенка или любимого человека, — не Нами ли данным? Умерщвление плоти веригами, недоедание, недоодевание, от которых нередко рушится здоровье, тоже Нами данное — идолами. Мы заповедовали вам не превозноситься — вы полагаете благочестием считать себя *самыми* недостойными, не понимая, что это та же самость. Не умея выполнять данные вам заповеди, вы пытаетесь их превзойти, что по сути — подмена. Путь к Нам прямее натянутой нити, престол Наш виден всякому, кто стремится к Нам, а вас бросает из стороны ханжеского святошества в сторону еретического умствования. Со всем этим — неуютно вам в Царстве Моем.

Сын Мой возлюбленный, Иисус учит вас, землян, идти «вратами узкими». Неужели не ясно, что речь не о геометрических размерах? Врата те ведут к Нам, и потому узки для самой маленькой нелюбви к кому бы то ни было — а значит, к Нам; для того, кто по лени, неверию в Нас или в самого себя зарыл талант, Нами данный. Но они просторны для любви, для плодов творчества. В искусствах, одухотворенных любовью к Нам. В науках, направленных на познание Нас и царствия Нашего. В делании добра во имя Наше: исцелении недугующих, накормлении алчущих, призрении бездомных, утешении страждущих. Чем больше тех плодов, тем просторнее для них врата узкие. И тем короче путь в обители Наши. В Моих обителях все любят Меня и друг друга. Любят естественно, как дышат. В такой любви слова лишни. И молитвы, произносимые вслух. А врата широкие — есть ли нужда пояснять, что они такое и куда ведут? Земля — единственная Моя обитель, где для спасения человечества Мне

пришлось принести жертву, страшную даже для Меня, — послать на крест Сына Моего. Ваш отклик на эту жертву — не причина ли самой большой Моей скорби?..

Виджу, хочешь, но не решаешься спросить, откуда здесь дети. Некоторые из них — умершие на Земле, но большинство родились в Моих обителях. Как и было задумано Мною: «и прилепится муж к жене своей...» Есть у вас такие, кто называет это «скотством», ибо так же začínаются детеныши других существ. Они не представляют себе, какое кощунство полагать нечистым то, что дано Мною мужчине и женщине не только для зачатия детей, но и как высшее воплощение любви. Нечистым это делает ваши нечистые помыслы, а полагать скотством — значит, в гордыне своей считать скотов, Мною сотворенных, ниже себя. Не ест ли, пьет, спит, дышит, радуется жизни человек, подобно «скотам»? Не схоже ли устройство тела человека и всех позвоночных? Или вы думаете, что «скоты» не знают Меня? Знают, и потому не способны на предательство, бывают вернее и бескорыстнее в своей любви, чем человек. Главное, что отличает человека от «скота», — возможность быть творцом, Нашим соработником. Но свободу, данную человеку, на Земле он использовал для того, чтобы отпасть от Меня.

А еще, вижу, хочешь знать, где размещается численно растущее человечество.

— Да, Авва...

— Умница! Это Я по поводу Аввы. Я, как ты, возможно, знаешь, позволил вашим земным ученым открыть, что процесс Творения не прекратился, и в глубинах Вселенной «из ничего» образуются новые материальные частицы.

После обители, где жена отвергла искушение змея, именно из тех частиц, по молитвенной просьбе живущих в ставшей тесной, Я создаю новую, пустую и безвидную и призываю желающих переселиться туда для освоения. Откликаются едва ли не все. По молитвам же людей Я образую горы, реки, озера, устанавливаю расстояние до светила, продолжительность дня и ночи, сезонов, климат... Мой Дух оживотворяет новую обитель, Я выбираю переселенцев, перемещаю туда, и они по своему вкусу, молитвенно согласованному с Нами, начинают обустраиваться. С Моей и Сына моего Иисуса, Учителя человеков, помощью насаждают деревья, травы; населяют воздух и сушу птицами, животными; воду — рыбами, иными животными; дают им имена, любят их, дружат с ними, учат любить Нас-Троицу. И живут в радости и любви о Нас и вместе с Нами принимают с Земли

святых праведников. Особое попечение — о мучениках, которые первое время пребывают для душевного и духовного освобождения от пережитых страданий в некоем подобии ваших лечебниц...

— Господи! — возопил я, — Почему же Ты не показываешь нам этих Своих обителей, чтобы и мы, жители Земли, научались праведной жизни?

— Тон у тебя — не слишком ли капризно требовательный?!

— Прости меня, грешного, накажи, но — прости.

— Простил. Тем более что вопрос твой — вопль боли за твое человечество, которое и Моя боль. А что не показываю — ошибаешься. Все земные исповедники Мои, пророки и преподобные возвещают вам Царствие Небесное. Но Венец Моего Творения стал возноситься над тем, что увенчивает. В упоении своей гордыней самоназвался — *Homo sapiens*. От грехов ваших вся тварь Моя стонет, живая и неживая. Вы, земляне, стали терновым венцом на челе сотворенного Нами *мира*. Вашим бесчинствам тесно на Земле. Узнай, где оно расположено, Мое Царство, вы ракеты запустите — завоевывать, наводить свои порядки. Именно потому Я удалил другие обитаемые *миры* от Земли, а для единения всех творений Моих, их взаимообщения, сблизил между собою. Их то и обнаружили земные ученые звездными скоплениями...

А разочаровываться в Клавдии Птолемея не спеши. Он был мыслитель, какие не каждый век появляются. Он был Менялюбив и Менябоязнен, всю жизнь искал истину во Мне, и Я показал ему Творение Мое. Но в таком образе, чтобы разум его не смутился и не покинул его...

А теперь Я завершаю наше общение. Постарайся использовать увиденное на благо и научение самому себе и, по мере разумения, — других. Просыпайся, человеке. Я не стану говорить тебе «восстань и виждь и внемли». Ты не пророк... Кому рассказывать об увиденном — тебе решать. Не настаивай на том, что всё увиденное тобою истина. Слишком часто сон бывает наваждением. Даже если он навеян любовью ко Мне...

Открыл глаза я со смешанным чувством радости и недоумения. Какая-то недосказанность. Не представлена последняя точка. Отче наш, иже еси на Небесех... и только в душе моей прозвучало «и не введи нас во искушение», меня осенило. По милосердию Своему, щадя мой разум, Господь не дал мне увидеть, какими мы были замыслены, и что мы есть... Как мне выразить всю мою благоговейную любовь к Тебе, Господь мой и Бог мой. Так избави же меня от лукавого!

Когда человек, с которым ты общался на протяжении ряда лет, уходит, то почему-то вспоминаешь его и грустишь о нем как-то фрагментарно, в памяти всплывает не весь его образ, каким ты его знал, а какая-то одна щемящая деталь, черточка, отдельное событие, и этот штрих, как заноза, сидит где-то глубоко в душе и саднит, и ноет потихоньку, и свербит в тебе воспоминание о недосказанном, о недослушанном, о недопонятом... Так и я, думая о Зое Афанасьевне Масленниковой, вспоминаю прежде всего наши прогулки вдоль Яузы и наши беседы на духовные темы: их я теперь называю по примеру древних — перипатетическими.

Да, многое я тогда не дослушал — мне все хотелось прежде всего высказаться самому, узнать мнение о моих собственных мыслях: ведь Зоя Афанасьевна как духовная личность сформировалась во многом благодаря длительному общению с отцом Александром Менем. А его я знал ко времени знакомства с Зоей Афанасьевной только по книгам: в Церковь я пришел, когда о. Александра уже не стало... А как бы мне хотелось о чем-то его спросить, что-то высказать... Но вот рядом со мной идет по высокому берегу Яузы человек, глубоко воспринявший и по-ученически, и по-редакторски многие мысли этого выдающегося проповедника и религиозного философа, так почему бы мне не пообщаться с Зоей Афанасьевной подобно тому, как общались ученики лика Аристотеля со своим учителем — во время прогулок?

Эх, зря я тогда больше слушал себя, а не Зою Афанасьевну... Но все же кое-что услышал и только теперь понял, какие важные вещи она мне говорила. Вспоминаю одну такую беседу.

Речь у нас зашла о жизни после смерти. Я высказал сомнение, что тот свет в конце туннеля, о котором говорят многие испытывавшие клиническую смерть, действительно является свидетельством приближения души, покинувшей тело, к потустороннему миру. Просто гаснущее сознание у всех людей устроено

ПЕРИПАТЕТИЧЕСКИЕ ОБЩЕНИЯ С ЗОЕЙ МАСЛЕННИКОВОЙ

*Застыл одним кристаллом небосвод,
И ангелам сегодня нету дела,
Что жалоба моя оледенела
И, обратившись в неживое тело,
Упала камнем, оборвав полет.*

З. Масленникова, 1969 г.

приблизительно одинаково: уменьшается кровоснабжение мозга, и в нем возникает ощущение полета в туннеле, срабатывает напоследок зрительный центр — появляется ощущение света... Зоя Афанасьевна со мной не соглашалась, приводила примеры того, как люди, находившиеся в состоянии клинической смерти, потом, придя в сознание, описывали то, что происходило в это время в операционной, кто в нее входил... А затем наш разговор перешел на другое: если человек попадет в Царство Небесное, чем он там будет заниматься? Я стал вспоминать Евангельские тексты. Ведь там Христос говорит своим ученикам больше о том, как достигнуть Царство Небесное, о том, что «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф 13, 43); чистые сердцем «Бога узрят» (Мф 5, 8). А про нисходящий с неба от Бога «великий город, святой Иерусалим» (Откр 21, 10), который мы считаем олицетворением Царства Небесного, сказано, что там «ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их» (Откр 22, 4). То есть, говорил я Зое Афанасьевне, праведникам уготована всего лишь пассивная вечная

жизнь — разве можно считать это блаженством?

Моя собеседница опять с этим не согласилась: нет, говорила она, у нас «там» будет возможность духовно развиваться. «Я там буду продолжать заниматься творчеством», — помню, сказала она мне, и в голосе ее прозвучала такая непоколебимая уверенность, что я в ответ только смог промямлить: «Ну, там же не будет у вас ни компьютера, ни холста с красками, ни глины для лепки...».

И вот теперь, погрузившись в чтение Большой богословской трилогии протоиерея Сергия Булгакова «О Богочеловечестве», я обнаружил, как важны были слова Зои Афанасьевны о возможности нашего совершенствования и «на том свете». Ведь именно об этом пишет о. Сергей, когда размышляет о состоянии человека после смерти в «райском блаженстве» или в «адских муках»: резкой границы между тем и другим нет, и в том, и в другом состоянии мы можем возрастать духовно — проповедь Иисуса Христа достигает всех...

Закончить эти строки мне хочется отрывком еще из одного стихотворения Зои Масленниковой — «По пути в Радонеж», — где она пишет о лете, которое

*И устремило взор так высоко,
Что разглядело пласт седьмого неба.
Там ангелы косили не спеша
Поспевшую пшеницу золотую,
И узнавала здешняя душа
Себя нездешнюю и молодую.*

Эдуард (Димитрий) СОРКИН

Александр Кравецкий.
Святитель Афанасий Ковровский.
Владимир, 2007.

Эта книга об удивительном человеке — истинном свидетеле веры, исповеднике XX века, святителе Русской Православной Церкви. Ему выпало жить в трудную годину огненных испытаний — он пережил революцию, обновленческий раскол, катакомбы, войну, был участником Поместного собора РПЦ 1917—1918 гг. и узником Гулага. Епископ Афанасий был выдающимся литургистом и богословом, он разработал службу Всем святым, в земле Российской просиявшим. Он же писал и богословский доклад о празднике для Собора, который восстановил этот праздник в нашей Церкви. И всю жизнь более всего на свете владыка Афанасий был вынужден продолжать литургические исследования. Но ему пришлось так мало по-настоящему работать над научными трудами, потому что более 20 лет он провел в тюрьмах и ссылках. Как он сам писал уже в конце жизни, из 33 лет архиерейского служения был «на епархиальном служении 33 месяца; на свободе, не у дел — 32 месяца; в изгнании — 76, в узах и горьких работах — 252 месяца». В лагере у архиерея-исповедника была «любимая работа» — уборка отхожих мест и вывоз нечистот; он понимал это «послушание» лагерным властям как роднящее его с другим святым Православной Церкви — преподобным Иоанном Дамаскиным, который

был для владыки Афанасия образцовым гимнографом.

Начинал он под началом владыки Сергия (Страгородского), который возглавлял Владимирскую епархию, прежде чем стать митрополитом и местоблюстителем патриаршего престола, а затем и патриархом. Уважая Сергия как богослова и одного из самых образованных людей нашей Церкви, владыка Афанасий не мог согласиться с его Декларацией 1927 года и даже возглавил движение «непоминающих» (не поминавших митрополита Сергия за литургией как предстоятеля Церкви), за что и был неоднократно репрессирован. Но как только выходил из тюрьмы или возвращался из ссылки, он объезжал «непоминающие» приходы и подпольные общины и монастыри, то есть тех, кто и составлял те самые «катакомбы XX века».

Для многих читателей интересен будет такой факт биографии, что владыка Афанасий был духовным руководителем о. Серафима (Батюкова), о. Иеракса (Бочарова), о. Петра Шипкова, матушки Марии — тех, кто воспитал о. Александра Меня.

Последние годы жизни епископа Афанасия прошли в Петушках Владимирской области, это были годы затвора и ученого подвижничества. Несмотря на преклонный возраст, перенесенные труды и болезни, он трудился над исследованием православного богослужения, житий русских святых и составил обстоятельный труд «О поминове-

нии усопших по уставу Православной Церкви». Святитель Афанасий скончался 28 октября 1962 г. и погребен на Свято-Владимирском кладбище в городе Владимире.

Судьба владыки Афанасия — удивительна, личность его необычайно яркая и самобытная, в нем сочетались твердая вера и природный ум, глубокая духовность и потрясающее чувство юмора. Вот один случай, который свидетельствует о незаурядности его личности. Рассказывают, что в 1935 году. Когда пустили первую линию метро в Москве, верующие боялись ездить в метро, поскольку спускаться под землю было для них все равно, что опускаться в преисподнюю. Владыка Афанасий взял икону и под пальто провез ее по всем станциям первой линии. «Не бойтесь! Можете смело ехать на метро. Я освятил его!» — говорил он своим чадам. Впрочем, этого рассказа нет в книге, потому что в церковном народе так много «боек» рассказывают о владыке Афанасии, что не вместить ни одна книга. А это уже само по себе свидетельствует, что его помнят, любят, знают и память о нем передают следующим поколениям.

Собственно книга, написанная А. Кравецким, замечательным филологом, историком Церкви, имеет целью рассказать про человека, который свою жизнь превратил в житие.

Ирина ЯЗЫКОВА

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ **объявляет ОЧЕРЕДНОЙ набор студентов** **на 2008-2009 учебный год**

Институт сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу. Помимо богословских предметов студенты изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин, а также древние языки (церковнославянский, древнереческий, древнееврейский).

- * ББИ имеет Лицензию и Государственную аккредитацию.
- * ББИ дает высшее гуманитарно-богословское образование, выдает диплом государственного образца по специальности «бакалавр богословия».
- * Специализации: библеистика, история церкви, христианская культура, история и теория религии, богословие и философия, религиоведение.
- * ББИ имеет вечернюю и заочную формы обучения. Срок обучения — 5 лет.
- * Обучение платное. Студенты оплачивают около 30% реальной стоимости обучения.
- * Прием на первый курс осуществляется по результатам вступительных экзаменов: тестирование, сочинение, собеседование.
- * Учредителями и попечителями ББИ являются епископы и священники РПЦ, российские общественные деятели, представители зарубежных церковных и светских организаций, ученые.

- * Лекции в ББИ читают известные ученые и преподаватели лучших вузов России и зарубежных стран.
- * ББИ поддерживает тесные связи с ведущими зарубежными университетами, студенты и преподаватели активно участвуют в программах стажировки и обмена.
- * ББИ - признанный лидер по выпуску академической богословской литературы.
- * При наличии базового богословского или высшего гуманитарного образования возможно зачисление сразу на второй курс.

Прием заявлений на новый учебный год — до 15 октября.

Адрес института: 109316 Москва, ул. Иерусалимская д.3.
Проезд: м. Пролетарская
E-mail: standrews@standrews.ru
Интернет-адрес: www.standrews.ru
тел/факс (495) 670-2200, 670-7644